

18+

Леонид Вариченко

Постижение

*В Гомеры – поздно, а
в Орфеи – рано*

Леонид Леонидович Вариченко Постижение. В Гомеры – поздно, а в Орфеи – рано

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27344564

ISBN 9785448594595

Аннотация

ПОСТИЖЕНИЕ – неизбежность и каприз! Классический каприз – всегда современен, поэтому современный каприз – классичен и постижим. «Мастерская Современного Каприза» – «МАСК-ВАЛЕТ»! «МАСК-ВАЛЕТ – литературный театр. Театр Леонида Вариченко – сценичен и стихотворен. Страницы – кулисы. Слова – актёры. Размеры – костюмы. Мир – сюжет пьесы, бесконечной, многомерной, неожиданной, задуманной ещё в детстве. «ПОСТИЖЕНИЕ»! Мастеру 60 лет, а текстам – столько лет, сколько их читали, читают и будут читать.

Содержание

ПОСТИЖЕНИЕ	5
– ПЕРВЫЙ ПАМЯТНЫЙ ПЕРИОД	9
– ВТОРОЙ ПАМЯТНЫЙ ПЕРИОД	54
– ТРЕТИЙ ПАМЯТНЫЙ ПЕРИОД	143
Конец ознакомительного фрагмента.	155

**Постижение
В Гомеры – поздно,
а в Орфеи – рано**

**Леонид Леонидович
Вариченко**

© Леонид Леонидович Вариченко, 2017

ISBN 978-5-4485-9459-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСТИЖЕНИЕ

В Гомеры – поздно, а в Орфеи – рано

1972 – 2017

ОТ АВТОРА:

*По истечении срока давности к ответственности за то, что было написано в первых двух этапах моего творчества (1. От основания до посвящения 1957—1984, 2. От посвящения до сотрясения 1984—1998), я не задумываясь приступил к третьему – предпоследнему периоду, который можно охарактеризовать как **ВНЕВОЗРОСТНАЯ ОПТИМИЗИРОВАННАЯ ЛИРИКО-ПСИХО-НЕВРОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕМОГОГИЯ** (3. От сотрясения до осознания (1998—2017)).*

Уверяю вас, она доступна и востребована, ни к селу сказана, ни пером писана, открываешь книгу, слышишь звон, видишь что-то, но не можешь определить, где оно именно. А учитывая то, что основная тема моей поэзии – бред, то в каждой фразе нет даже намёка на какой-нибудь урок для добрых молодцев, которые и сами-то в наше время достаточно архаичная редкость.

«ПОСТИЖЕНИЕ», как природный процесс, было настолько для меня необходимым, что я ума не прикладывая, в растерянности раскинул мозгами и даже сам не понял, как твердо решил после юбилея вступить в последний – четвертый – этап творчества (4. От осознания до завещания 2017—2057), который продлится лет сорок, и закончить его новым сборником стихов «С прискорбием, маразмом и паркинсоном в светлое будущее!»

Не бойтесь величины слов, иначе слова выльются в ме-

личность.

Всегда ваш, Леонид Вариченко.

– ПЕРВЫЙ ПАМЯТНЫЙ ПЕРИОД «От сотворения до посвящения – 1957—1984»

ПОЧТИ, ЧТО НОЧЬ

Почти, что ночь, и в облаках еще луна маячит.

На небе пасмурно, не миновать дождя.

По мне всегда тот город плачет,

Который покидаю я.

25.07.75

СПАСИБО!

Я был объект искусной дрессировки.

Не вынесет такого даже зверь.

Мастак был дрессировщик на уловки.

Спасибо, не дурак и я теперь.

29.11.75.

О ТОМ, ЧТО СМОЖЕШЬ ДОКАЗАТЬ

Писать о том лишь, что тревожит,
О том, чем бредишь по ночам.
И строчки рифмой, словно дрожжи,
Разбухнут. Удивишься сам.

Писать о том, в чём ты уверен,
О том, что сможешь доказать,
О том, что сам уже проверил,

О том, о чём не будешь врать.

Писать о грустном и весёлом,
Чтоб слёзы градом, смех в висках,
Чтобы разучивали в школах,
Или сжигали на кострах.

Писать, чтоб не могли промолвить:
«Середнячок, подобных тьма».
Чтоб за одно до драки спорить,
А от другого прочь с ума.

Писать без всяких дифирамбов,
Не расточая похвалы.
Анапестом, октавой, ямбом
В нечистых загонять колы.

Чтоб доставляло радость людям,
Не стыдно чтобы подписать,
Чтоб заменить печати судей
На личную свою печать.

05.04.76.

ДОЖДЬ И Я

Я гуляю под дождём.

Я любовь свою ищу.
Знает дождь, как, кинув дом,
Неприкаянно грущу.

Капли бьются об асфальт.
Лужи плещут под ногой.
Дождь не хочет, чтобы я
Оставался бы такой.

Смыть мечтает милый дождь
Мысли грустные с меня —
Он мечтает мне помочь.
Мы с ним старые друзья.

Всё он в памяти хранит:
И бессмысленный звонок,
И чуть слышное «прости»,
И насмешливый гудок.

Дождь смывает все следы.
Будет чистою земля.
И не жаль ему воды,
Мне забвение веля.

Слёз не видно на лице,
Будто мокрый от дождя.

Очищения процент
Знаем только дождь и я.
09.05.76.

МИНУТА ОТКРОВЕНИЯ

Да, может быть. Не отрицаю,
Но всё условность, глупый фарс.
И уж наверняка я знаю,
Что это и пугает вас.

Я не оправдываюсь. Только
Давайте в гладь орнамент шить.
Уверен, что пойми вы столько ж,
Нам веселее было б жить.

Со временем... , но вряд ли, впрочем.
Здесь больше не во что играть.
И всякий думать правомочен,
Я избегаю отвечать.

Коль непонятно – не трудитесь;
Смешно – посмейтесь, буду рад;
Обидно – крепче рассердитесь;
А прав – кричите мне «VIVAT!»
12.01.77.

ЛЕБЕДЬ

Вдоль земли, до бешенства обычно,
Шёл и щёлкал семечки беспечно
Человек – на вид вполне приличный.
Шёл, как люди ходят бесконечно.

Семя в рот, а шелуху на землю,
Съел и сплюнул. Новое забросил.
Шёл и видел: под ногами землю,
Сверху небо, вдоль дороги осень.

Вот, он бросил семечко чуть выше
И увидел лебедя на небе.
Взгляд его из прежних рамок вышел,
«Как красив в полёте этот лебедь!»

Круг. Второй. Спускается он ниже,
Одинокую шею выгибая.
На земле он чавканья не слышал,
В облаках, отыскивая стаю.

Человек насыпал из кармана
Шелудивых семечек побольше,
Для вполне обычного обмана

Взял петлю обычную настолько ж.

Положил перед собой на землю
И застыл, как надо, не пугая.
Опустился лебедь, тронул семя.
Человек схватил его руками.

Тщётно вырваться пыталась птица,
Очень крепко, даже как-то хищно
За ноги и шею ухватился
Человек – на вид вполне приличный.

Он держал и говорил ей: « Птичка,
Что же ты так сильно испугалась?
Ну, да это, верно, с непривычки» —
Говорил он просто, улыбаясь.

Бил крылами, рвался в небо лебедь.
Уставал, но продолжал бороться.
Он не мог и не хотел поверить,
Что в неволе жить ему придётся.

А ловец опять ему: « Хороший,
Нам с тобою вместе будет лучше,
Мы друзьями станем, если хочешь,
А пока, вот, семечек покушай».

Но не принял угощение это
Гордый лебедь, слабость презирая,
Он смотрел на небо. Там за летом
Пролетала мимо к югу стая.

Человек насильно попытался
Лебеда заставить подкрепиться,
Но не смог, а может, испугался —
Он увидел то, как плачет птица.

Плачет очень крупными слезами,
Перестав совсем сопротивляться...
И разжались злые руки сами,
Их обязанность была разжаться.

Оглянулся лебедь удивлённо.
«Я свободен?» И с порывом ветра
Крыльями взмахнул он облегчённо
И рванулся к облакам заветным.

Человек кричал, махал руками,
Ничего вокруг не замечая:
Ни земли осенней под ногами,
Ни вдали видневшуюся стаю...

«Улетел...» Идя своим маршрутом,
Думал он и семечки беспечно
Щёлкал точно так же, как и утром,
И казалось это бесконечным.

Вдруг, забыв, что направлялся к дому,
Бросил всё и – почему, не зная —
Он пошёл сначала, а потом уж
Побежал за догонявшим стаю.

Он бежал, не мог остановиться,
Глаз от неба отвести не смея,
И прощаясь с человеком, птица
Благодарно выгибала шею.
28.03.77.

ЖДЁМ МЫ БЕРЕГ, НО ТОЛЬКО ТАКОЙ

Ей лет миллионы, солёной воде.
Ей нет ни конца, ни начала.
Отдашь ты ей лучшее в жизни своей,
Однажды застыв у причала.

Здесь солнце на небе напротив луны.
Здесь шепчутся камни с водою.
Разочек, хлебнув настоящей волны,

Ты ждёшь её с каждым прибоем.

Корма утопает в морской полноте,
И цепи разорваны с визгом.
И помнишь, как на берег с ходу влетев,
Хрустально рассыпятся брызги.

Не снятся тебе ни поля, ни леса,
И дом вспоминаешь всё реже.
Морской горизонт, закрывая глаза,
Ты видишь. Рассвет уже брезжит.

Годами без суши с покорной тоской,
Весь мир наш от борта до борта.
Ждём берег, но ждём его только такой,
Как виден из главного порта:

Лежат волнорезы – уставились вверх,
Где в проседях чайками небо,
Дельфины, и рыб пузырящийся смех —
Да, быль, но похожа на небыль!

Живём на земле, тут ведь жили всегда,
Но как-то в высоком заборе
Нам в щёлку лазурью блеснула вода.
Ушли любопытные в море.

Теперь, если с палубы кто-то сойдёт,
Покою уже не находит.
И при смерти слышим, как море поёт
Для тех, кто под парусом ходит.
17.09.78.

БЕЗУМНЫЙ БЕРЕГ

Рассвет последний. Что он нам несёт?
Быть может, наконец, увидим берег.
Глазами пожираем горизонт.
Пожалуй, страшно в счастье не поверить.

Ещё минута... Солнце над водой.
По курсу гавань! Протяните руки.
Но почему там дым пороховой
И лай орудий дальнобойных гулкий?

Рассвет на море, он не слепит глаз.
От пушек слепнем, с берега палящих...
И этот воздух, он похож на глаз —
Такой же и манящий, и пьянящий.

Нас с берега обстреливают так,
Как будто мы чужие, мать их в душу!

И может быть, случится даже так,
Что вовсе нам не выбратся на сушу.

Но там же наши... Так же ведь свои...
И нам одно лишь только не понятно:
Зачем им гнать нас от родной земли,
Живыми возвратившихся, обратно?

Нам всё равно, кто в этом виноват.
Мы можем и обратно при желанье.
Жена нам – шхуна, всяк друг другу – брат,
И не к кому идти нам на свиданье!

Неужто, город весь с ума сошёл?
Он обезумел, что-ли, милый берег?
Когда два года в море ты провёл,
То в это трудно просто так поверить.

Ведь значит, зря мы сквозь шторма прошли,
И в порт родной спешили мы напрасно.
Уж лучше вовсе не видеть земли,
И будет всё тогда предельно ясно.

Остановитесь, там, на берегу!
Корабль в дыму и ослабели тросы.
В спокойном море мы, как на снегу,

И падают убитые матросы.

Безумный город... Сумасшедший край...

Забудьте дом! Одна дорога – в море.

Эх, боцман, бочки с ромом открывай.

Тот самый час, чтобы напиться с горя.

Пожар тушите. Сердце на замок.

Корабль разверните в море носом.

А ну-ка, юнга! Вздёрни на флагшток

Флаг чёрный, без гербов и без полосок.

Эй! Кто там песню грустную запел?

Петь можно, но не стоит огорчаться,

Ведь это тоже не плохой удел —

Живая тень Летучего Голландца.

...Здесь нет берёз,..не колосится рожь,..

Нет поездов, жестоко уходящих.

А воздух моря, он на газ похож —

Такой же и манящий, и пьянящий.

Здесь нечего бояться лишних фраз,

Не надо здесь шептаться осторожно —

Рассвет на море, он не слепит глаз...

А это, значит, и прожить здесь можно!

28.09.78.

УХОДЯЩИЕ С РАССВЕТОМ

Это было как-то очень рано утром.
Окна были в ставнях. Город спал.
Уходили люди, по делам как будто,
Но они сходились на причал.

Там качалась шхуна – снова, как и прежде,
Новые на мачтах паруса,
Свежей краской выкрашен старый борт «Надежды»,
И надежда новая в глазах.

Этот день особый, он отмечен чёрным
В городе на всех календарях.
Древний сказ уводит моряков упорных
Счастья поискать в чужих краях.

Раз в году бывает здесь на небе виден
Ясно, как на карте, млечный путь.
Ну, а кто с зарёю вместе в море выйдет
Должен постараться не свернуть.

Тишина сурова. Всё вокруг знакомо.
Якорь лишь предательски скрипел.

Вот бы часом раньше не проснулись дома,
И до сердца крик не долетел.

Уходила шхуна на восходе солнца
Вот уже пятнадцать лет подряд.
Может быть, удача нынче улыбнётся,
Но об этом вслух не говорят.

Много капитанов старая «Надежда»
Поменяла за недолгий век.
Сколько их осталось на песках прибрежных
Крестовидных путеводных вех.

Отнимали звёзды у семей кормильцев —
И мужей, и любящих отцов,
Но опять спешила, даже не простившись,
Новая команда храбрецов.

Это было как-то очень рано утром.
Страшный крик из окон вылетал,
И десятки женщин – сонных, необутых —
Дом забыв, бежало на причал.

И рыдали жёны, и кричали дети.
Кто-то прыгал в шлюпки, кто-то вплавь.
Но «Надежде» в спину дул попутный ветер.

Время не теряй и свечи ставь.

И свечей в соборах сотни загоралось,
И мадонны плакали навзрыд,
И не расходились толпы у причала,
Слушая, о чём волна шумит.

Прижимали крепко матери детишек,
Подсчитавши, через сколько лет
Сыновья заменят моряков погибших
И уйдут, когда придёт рассвет.

Это было как-то очень рано утром.
Шхуна шла в тумане напролом.
И на шхуне знали, будет очень трудно,
И молчали каждый о своём.

Но не знали люди, восхваляя чёрта,
Что не ждёт их счастье впереди —
Ведь для них всё счастье за знакомым бортом,
Счастье в бесконечном их пути.

20.10.78.

ПРОМЕТЕЙ

Этот голос не мой, что летит из груди.

Он сейчас захлебнётся от ветра.
Этот голос чужой. Он кричит: «Подожди!»
Но обратной дороги мне нету.

Там глотает огонь молодые стволы,
И побег на ветках дымятся,
И как будто бы стонут они: «Помоги!»
Но, увы, не могу я остаться.

Нет, не трус я, огонь не пугает меня.
Впереди может быть ещё хуже.
Может быть, своего загоню я коня,
Хоть он дорог мне, предан и нужен.

Мы не знаем, что ждёт нас. Мне верит мой конь.
Мы спешим на свидание с адом.
И за мною, как плащ кардинальский огонь,
Только голос хрипит мне: «Не надо...»

Он летит из груди, молит он: «Подожди!» —
Лепетаньем ушной перепонки.
Но скачу я на узенький мост впереди
И плюю на проклятья вдогонку.

Может всё оборваться на этом мосту
Без фанфар и тяжёлых надгробий...

Я не помню себя. Пересохло во рту,
Конь забылся в предсмертном галопе.

Старый мост, он скрипит, я топчу эту твердь,
Волоча факел свой по перилам.
Да! Я взял на себя и ещё одну смерть,
Не прося о прощенье постылом.

Не доставлю я радость такую векам!
Вот и внутренний голос сорвался.
Он плюёт на меня, посылает к чертям.
Ну, спасибо! Я дальше помчался.

Ведь погибнет без ветра священный огонь.
Приносящий забвение встречным.
Я не встану, пока не подохнет мой конь,
И не стану я факелом вечным.

Обмотавшись плащом, обогнавшим меня,
Я не сделаю лишних движений,
Монументом застыну над трупом коня
В честь того, кто бежал от сомнений.
31.12.78.

СОБАКИ

Оглянитесь вокруг и представьте:
Мрачный замок, двенадцатый век,
Длинный стол сплошь едою уставлен,
Блики факелов, чавканье, смех,

Смрад и копоть, упитые гости
И собаки покорно вокруг.
Им кидают объедки и кости
Эти сорок засаленных рук.

Эх, собаки, вернейшие твари.
Сколько чувства в собачьих глазах.
Но в ответ их ногами пинали.
Благодарность ждала их в плетях.

А на завтра хозяева вспомнят
И с утра, да пораньше, «Ату!»
Чтобы всё было чашею полной!
Чтобы не было пусто во рту.

Так вот было и часто, и долго...
И однажды собаки ушли,
По совсем незнакомым дорогам
В тишину потаённой глуши.

В замке снова тем временем пили

И заметили только с утра,
Что все псарни открыты, пустые.
Как же быть? На охоту пора!

Призадумалось рыцарство круто.
Ждать не ждали подобных потерь.
Но мир жив, пока злой он и глупый —
Заменили собак на людей.

И плетьюми, как скотину, погнали:
Музыкантов, герольдов, писцов.
Что ж они? Да ведь им приказали.
Только, что не брехали под псов.

А под вечер садились по кругу.
Со стола им кидали куски,

И сцепившись за них, друг на друга,
Как зверьё, обнажали клыки.

Время шло, и зверела прислуга,
На хозяев бросалась, рыча.
И порвала бы позже друг друга...
Но однажды в рассветных лучах

По дороге, из леса ведущей,

Хвост, поджавши, повадкой хромой,
Нос – на запах, повинные уши,
Возвратились собаки домой.

Не смогли добродушные твари
Жизнь прожить с человечеством врозь
И вернулись,... чтоб плетью их драли,
Но кидали бы сладкую кость.
20.11.79.

ЛЮДИ И БОГИ

Бывают минуты, иконы снимают со стен,
И свечи тогда за ненужностью угасают.
А вера? Что вера, она превращается в тлен,
А может, и в пепел, который на ветер пускают.

Не падают ниц, если святость дала кривизну,
И сказочно быстро из памяти выйдут молитвы,
Богам виноватым припишут все беды в вину —
Сначала проклятьем осыпаны, после забыты.

Но злоба угаснет, привычка своё заберёт.
Подкрасив иконы и символы перетасуя
Состряпают гимны и новым Богам пропоют
Народы. И будут от счастья дарить поцелуи.

Напишут труды, переставив местами слова,
И кто-то найдётся, кто свечи зажжёт, как бывало,
И чья-нибудь тихо покатится с плеч голова,
И ярким цветастым прикроют её покрывалом.

Как вечно нужны человеку любовь и вражда,
Так Боги в пути его жизненном необходимы,
Чтоб было, кого проклинать, коль случится беда,
А если всё ладно, молиться им – неуловимым.

И снова пестро от лукавых улыбок с икон,
Меняют им лица, но взгляды у них не меняют,
Любой при желанье уложится в старый канон...
Но, всё же, бывают минуты, когда их снимают.
21.06.79.

ДЕВУШКА И ПОЭТ

– Расскажи мне, что в сердце глубоко
Ты запрятал своём от меня?
– Это я зашифровывал в строках,
Свои тайны живьём хороня.

– Расскажи мне, о чём твои мысли,
Если взгляд устремляется вдаль?

– Это всё в неотправленных письмах,
Но доступно понять их едва ль.

– Почему, расскажи, умоляю,
Так надолго опять замолчал?

– Это всё ты отыщешь, читая,
Как впервые во сне я кричал.

– Расскажи мне, о ком ты скучаешь,
Когда я от тебя далека?

– Ты об этом давно уже знаешь,
Этим дышит любая строка.

– Расскажи хоть о чём-нибудь, милый.
Я хочу от тебя это знать.

Вслух прочти, я твой голос забыла...
Ну, попробуй хотя бы солгать!

...Он молчал, улыбался и слушал,
Но сквозил его взгляд сквозь неё...

– Умоляю, открой свою душу,
И согрею я сердце твоё...

Вдруг он взял карандаш, лист бумаги,
Лишь взмахнул, ничего не сказал,
И осталось, как будто на флаге:

«Жил, любил, умирал и писал».

«Жил, живу, жить хочу очень долго,
И люблю, пока жив ещё я.
Умирать – путь от Бога до Бога,
А стихи – это совесть моя».

И ушёл, промолчав, без обмана,
Что опять повело его в путь?
...А вода вытекала из крана,
Позабытого кем-то заткнуть...

12.09.79. г. Лермонтов.

НЕОСПОРИМО

Пусть я вчера и пропустил закат,
Пусть я сегодня не был при рассвете.
При всём при этом я же во сто крат
Счастливей тех, кто не живёт на свете.

03.03.80

НАВЕРНОЕ, ЧТОБЫ ПОТОМ ВСПОМИНАТЬ ЭТО ВРЕМЯ

Зачем мои пальцы от пробок пивных все в порезах?
Зачем я от мелочи каждой на подвиги лезу?

И мама ругается, что я частенько нетрезвый,
Наверное, чтобы потом вспоминать это время.

Зачем меня тянет в ненужное ныне гусарство?
Зачем из несыгранных ближе мне роль Ловеласа?
И люди меня осуждают за ветреность часто...,
Наверное, чтобы потом вспоминать это время.

Зачем я высмеиваю людей обыкновенных,
Которым не нравятся и не нужны перемены?
Зачем я в стихах своих без тормозов откровенный?
Наверное, чтобы потом вспоминать это время.

Зачем я привязан к домишке на улице тихой?
Зачем мы с друзьями веселье доводим до лиха?
Зачем мне роднее всех улиц на свете Плющиха?
Наверное, чтобы потом вспоминать это время.

Зачем нам не выпало в жизни лихих испытаний,
И землю в окопах снимать не дано нам пластами?
Зачем не пугают нас крылья с большими крестами?
Наверное, чтобы потом вспоминать это время.

Прекрасное время! Живем неплохие и мы здесь.
Я каждую мелочь запомнить до тонкостей силюсь.
И наши поступки, и, в общем, хорошие мысли,

Наверное, чтобы потом вспоминать это время.
26.08.80.

АНТИМИР

Я вошёл в этот мир,
Где смешенье веков,
Где, куда ни взгляни,
Переплетены судьбы,
Где сегодняшней пир,
Словно ключ от оков,
И решётки разрушены.
Славят нас трубы.

Где кто есть, не поймёшь.
Птицы прочат рассвет.
Может, мы этот день
Провели вместе в замке.
Вдруг дорогу найдёшь
В век чужой, где нас нет,
И внезапно раздвинутся
Старые рамки.

Тут салат из веков,
Тут людской винегрет,
Тут вампиры и мы

Перемешаны в кучу.
Но не бойся врагов!
В этот мир, в этот свет —
Свою кровь ты приносишь, и,
Значит, он лучше.
11.06.80.

БЕШЕНЫЙ КОНЬ

Вот, такие дела...
Ветер бьёт ему в лоб.
Закусил удила
И ударил в галоп.
Через снег, через лёд.
Все подковы разбил.
Нет важней, чем вперёд.
Обо всём позабыл.
Не сгорел он в огне
И петли избежал.
Конь в скаку «на коне».
Он от счастья заржал.
Только сбился слегка
На чужом рубеже.
Потерял седока,
Где, не помнит уже.
Будто крылья обрёл,

Будто снова рождён,
Будто юный орёл
В жеребце пробуждён.
Даже топот копыт
Превращается в свист.
Он теперь фаворит.
Он теперь оптимист.
Кто смотрел ему вслед,
Лишь моргнул один раз.
На проложенный след
Пыль снегов улеглась.
Он не ждёт ничего.
Он давно не в себе.
Нарисуйте его
У себя на гербе.
17.11.81.

С КУРАЖУ, А НЕ ИЗ КОРЫСТИ

Толкнул от берега багром я свой чёлн,
По воде ударил вёслами,
Поплыл вперёд по воле быстрых волн
Под нависшими утёсами.

А речка та и вкривь, и вкось норовит,
Вправо, влево извивается.

Течение быстрое зовёт и манит,
Звоном, плеском заливается.

Я вёсла бросил уж на дно челнока,
Успеваю лишь выруливать.
Но нет, для паники-то рано пока,
Не потонем, леший, будет врать.

Эх, сколько было поворотов лихих,
Пока плыл я по течению,
Со скольких речек я челнок свой таких
Выволакивал в мучениях.

Багром пытался дно достать, не достал,
А торчат ведь камни острые.
Какой-то мнительный уж больно я стал...
В никуда спускаться просто ли?

Или проще позабыть, сколь друзей
Разнесли пороги вдребезги.
Потому по сторонам лопухом не глазей,
Сбереги хотя б свои мозги.

Беги, беги ты, речка живенькая!
Всё ж не можем мы без скорости.
Ох, видно будет вечно жизнь такая,

С куражу, а не из корысти.

Но если будет водопад на реке,
Свой челнок покину вовремя.
Уж лучше то, как он погиб налегке,
Крепко – накрепко запомню я.
27.11.81.

ВЕНОК СОНЕТОВ

1.

Переплелось, и вот – венок сонетов.
Но почему бы не баллад букет?
Корзину стансов? Клумбу зонгов? Нет,
Сонеты есть вершина у поэтов.

Но я писал потоки этих строк
Не потому, что завистью был мучим
К тем, кто писал сонеты этих лучше,
Увы, я просто промолчать не мог.

И я теперь на этих вот страницах
Забуду обо многих очень лицах.
Рука гудела, мне писать веля.

Сплету венок. Понравится, коль ярок.
Но помню, окрыляя сей подарок,

Не первооткрыватель в стиле я.

2.

Не первооткрыватель в стиле я.

Учителей великих галерея.

Часов, уроки брал я, не жалея,

И дар о вдохновении моля.

Но вот, явилась с опозданием Муза.

Забыто время рифм и строф пустых.

Вновь рвётся на свободу лёгкий стих.

Минуты эти – счастье, не обуза.

Как блеск созвездий, вылетают строчки.

Не ощущаю, что пишу я ночью,

И незаметно явится заря.

Лишь половину я слагаю в звенья,

На два венка хватило б вдохновенья,

Преступник – автор, честно говоря.

3.

Преступник – автор, честно говоря,

Всё перевёрнуто в моём сознание.

Отобрано умение и знание,

И год этот с начала января.

Я прихожу домой, беру бумагу,

И не звоню подругам и друзьям,
И многим прежним доблестным стезям
Я изменил, как раз вкусивший брагу.

Под вечер места мне не отыскать,
Не дам себя жалеть или ласкать,
Уж много дней мне не найти ответа.

Но вот, прозреньё, лёгкость, ясность, свет —
Причина – рифмы боль, один ответ.
Я понял это с нынешним рассветом.

4.

Я понял это с нынешним рассветом:
Зимою мне теперь не холодней,
Пора настала беспокойных дней.
Но я, не думайте, не за советом.

Я болен, и болезнь моя – любовь.
Любовь к стихам, пронизано всё этим.
Их тоже я закончил на рассвете,
Когда вставала из-за шторы новь.

Мне Муза даже имя не сказала.
Я посредине мраморного зала,
Сижу, пишу, от люстр струится свет.

Красивейшие стены в гобеленах,
Но обходя их взором каждодневно,
Пока не вижу выхода я, нет.

5.

Пока не вижу выхода я, нет,
Из ощущаемого состоянья —
Сознания сердцу противостоянья —
Всего, что переноситься в сонет.

Протянется рука, не бросишь взгляда.
Взлетают мысли, ноги не идут.
Противоречья вечно, там и тут...
Но вдруг, мне это именно и надо?

Как будто тает нависавший воск,
Разбужен, вяло засыпавший мозг,
Цепь дней, своим явленьем украшая.

Я вновь горю, как факел, как ночник.
И каждый час, и каждый Божий миг
В душе моей полемика большая.

6.

В душе моей полемика большая.
Тем, кто восстал всех раньше, был я сам.
И не давал я волю голосам
О том, что чувства действия решают.

Обрёл я равновесие, покой,
И это потерять опять боялся,
И потому, как мог, сопротивлялся...
Но Муза вдруг махнула мне рукой,

И дальше шла, не убыстряя шаг.
Тут первый раз сдалась моя душа.
Я вслед пошёл, с трудом кроссворд решая.

Иду и спорю меньше с каждым днём.
К чему мы дальше с Музой повернём?
Пока живу, тому я не мешая.

7.

Пока живу, тому я не мешая,
Кто вертится вокруг, шумя-вопя,
Со стороны, но пристально терпя,
И ничего пока не совершая.

Себя я должен в мысли укрепить,
Войдя в тот круг, не лишним оказаться,
И лишь потом с другими состязаться.
Должны сплестись волокна крепко в нить.

Не подведёт ли прежнее искусство?
Не буду ли противен взглядом грустным,

Нарушив невмешательства обет?

Не пропущу ли, долго выжидая,
И правильно ли миг свой угадаю?
По времени в запасе пара лет.

8.

По времени в запасе пара лет,
Но, право, этот срок звучит жестоко,
Как тополю – зима в снегу глубоком —
Что помнит пух явившийся на свет.

И я, уверен в том, не выжду срока,
Коль мне махни ещё разок рукой.
Терпения не хватит. Прочь покой,
Любить нельзя лишь на страницах в строках.

Растает снег, родится новый пух,
И новой песней усладится слух,
И прозвучат по-новому все ноты.

И каждый взгляд пусть будет свыше знак.
Что я скажу, ещё никто не знал.
Я не намерен повторять кого-то.

9.

Я не намерен повторять кого-то,
Коль окажусь с судьбой наедине.

Не будет стыдно за меня Луне.
Не буду я объектом для остроты.

Любовь не допускает ни подделок,
Ни в объяснение бедность языка.
Уж лучше промолчать наверняка,
Чем заслужить презренье платьем телу.

И каждый вечер в праве светел быть,
И чашу должно до конца испить,
И выйти за открытые ворота,

Не становясь, коль по колено вязь,
И в сапоги водица налилась.
Я ненавижу мелкое болото.

10.

Я ненавижу мелкое болото.
Когда привёл меня сюда мой путь,
Не испугаться, важно, утонуть,
Пусть и безумцем быть в глазах кого-то.

Не медля шаг, коль чувство велико,
И не свернув, пути я буду верен,
И под ногами ощутится берег,
Пройдусь спокойно там, где глубоко.

Я вспомню, что не встал на полдороги,
Внезапно замочив в болоте ноги,
И с гордостью отвергну чистоган.

А после жемчуг отыщу в песчинках
И, как на театральных вечеринках,
Я не налью шампанское в стакан.

11.

Я не налью шампанское в стакан.
Другого зелья я уже отведал,
И опьянён им, и того не ведал,
Что этим не излечится тоска.

Насочинить, как яду в малой доле:
Привычка возникает и растёт,
Пусть вкуса уж не ощущает рот —
Не гибнешь, но отравлен, и не боле.

Чтоб наслажденье капли вновь вкусить,
Глоток воды достаточно испить,
Вкус творчества ты испытаешь снова.

Допущен ли к колодцу для глотка?
Стихи идут не от любви пока.
За то судим, и строго, и сурово.

12.

За то судим, и строго, и сурово,
И спрошено в броженьях по тропе,
Где прежде ошибался я в судьбе,
Где гладкой не была моя дорога.

Сам расскажу, пусть будет больно даже,
Где странствовал, с кем виделся в пути,
И не переставало ли везти,
Сокровища я или мудрость нажил.

Всё расскажу, зачем же хмурить бровь?
Нарочна сухость встречи – ломка дров,
Не всё обман лукавый то, что ново.

Не слушается без обид рассказ?
Стихи не люди, чтоб дарить им час?
Хотя ни в чём не виновато слово.
13.

Хотя ни в чём не виновато слово,
Ему приказ – работать на меня.
И не прошло без строк ещё ни дня,
Как сделался я больно безголовый.

Хозяин слов своих, но не себя —
Не отпускаем, сдержан с расстоянья.
Нежданно доведённый до призванья,

Подстёгнутый, не то, чтоб торопя.

Уже ли окончательно мне сдаться?
Сказать при Музе главное удастся ль?
Не подарю ли глупость я векам?

Слова, слова, рабы жестокой лиры,
Где те из вас, повесы и задиры?
И сам я, словно пойманный в капкан.
14.

И сам я, словно пойманный в капкан,
И то, что написал, теперь в ловушке.
Мы беззащитны, двое на опушке.
И сердце барабанит по вискам.

Освободимся ли? А это значит,
Взлетит венок и даст свободу мне,
И либо будет счастье при луне,
Либо над ним завялым я заплачу.

Не повторит такого взлёта мозг.
На много лет опять застынет воск,
Короче лишь, увы, свеча при этом.

В замок капкана ключик светлой лжи.
Ещё полны бутоны и свежи.

Переплелось, и вот – веночек сонетов.

15.

Переплелось, и вот – веночек сонетов.

Не первооткрыватель в стиле я,

Преступник – автор, честно говоря.

Я понял это с нынешним рассветом.

Пока не вижу выхода я, нет.

В душе моей полемика большая.

Пока живу, тому я не мешая.

По времени в запасе пара лет.

Я не намерен повторять кого-то.

Я ненавижу мелкое болото.

Я не налью шампанское в стакан.

За то судим, и строго, и сурово,

Хотя ни в чём не виновато слово.

И сам я, словно пойманный в капкан.

23.02.82

ЗАВТРАШНИЙ ГЕРОЙ

В который раз, а будто новичок.

Нет, не волнение, скопище предчувствий.

Какой, скажи, по счёту твой порог,

Дверь в новый зал в большом дворце искусства?

Уж образ пойман крепко, как в капкан,
И начинаю с вечера меняться.
Сам постепенно прочь, на задний план,
Плоть уступаю, чтоб он смог размяться.

Он должен влиться полностью в размер,
Заполнить всевозможные пустоты,
Но и не выпирать с боков и вверх,
Не вызывать к себе вопроса: «Кто ты?»

Я должен ему верить и вложить
В него тепло и ум, что мной оценен,
Тогда он сможет вечер свой прожить —
Назначенный фрагмент судьбы на сцене.

А может быть, он завтра поднажмёт
И из спектакля выпрыгнет за рамки,
Со мною параллельно заживёт —
Двойник, соперник и сосед в программке.

Уложенное бережно в строфу
До завтрашнего будет сохранимо.
Герой мой, он на вешалке в шкафу,
Его лицо в моей коробке с гримом.

12.09.82.

МНЕ В ГОЛОВУ

Когда придёт конец моим скитаньям,
Сесть, отдышаться б и воды испить!
Весна грозит мне новым испытаньем.
Готов и жду, не смею отступить.

Пружину механизма закрутило —
То в жар, то в холод где-то там в груди.
И в голову никак не приходило,
Что столько может в голову прийти.

Засвечиваю плёнки, много брака,
Мощь памяти дробится в слабый смысл.
Событий хоровод кружит, однако.
Не приглянись, а позже не приснись!

Тут не желанен, там не подфартило,
Где, не познав, сумел перерастить...
Но в голову никак не приходило,
Что столько может в голову прийти.

Я полон весь живейшего участия
К своей персоне, не касаясь дна.

Большие бури – малое ненастье,
Потеря – неудача, не беда.

О передышке молит и Светило,
Встреч ожидая на своём пути.
Мне в голову никак не приходило,
Что столько может в голову прийти.
16.04.83.

ФАНТАЗЁР

Плывёт его отважный
И дерзновенный флот
Корабликов бумажных,
Попав в водоворот.
Неясные картины
Запутанных эпох,
Зверинец пластилинный
И закулисный мох.

Певец своих мечтаний,
Уложенных в строке,
Построил город зданий,
Стоящий на песке.
Завёл семью и близких,
Прекраснейших людей —

Для главного артиста
Театр из теней.
19.04.83.

– ВТОРОЙ ПАМЯТНЫЙ ПЕРИОД «От посвящения до сотрясения – 1984—1998»

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК (поэма)

*«...Письма пишут по разным поводам,
Не похожи они друг на друга:
К Дню рождения, к свадьбе, «пó воду»
Или чтоб сократить разлуку...»*

Где люди, там мысли, и мысли не пұсты, порой —
Ответы к вопросам, которых никто не поверит —
Покрытые буквами кипы бумаги горой,
Которыми сложно оценивать что-то и мерить.

Не всё, что написано, часто достойно того,
А есть незаслуженно гибнущие писания.
Два выхода: или совсем не писать ничего,
Или присягнуть отвлечённому повествованию...

* * * * *

...В тот вечер мне очень хотелось кому-то помочь,
Но я специально не шел, ни к друзьям, ни к любимой.

Я длинною улицей брёл в наплывавшую ночь,
Не зная, что будет, и что ж так вокруг нелюдимо.

Что там оставлял я, в потоке житейских сует —
Проблемы и споры, и выигрыши, и утраты.
Я даже в последнее время забыл, что поэт,
Свободою и тем же временем и не богатый.

Но вот, я иду... Нет, я вру – не иду, но бегу!
Бегу от себя, хоть на ночь – в темноту, как на льдину!
И может случиться, кому-нибудь я помогу...
А нет, так хотя б напишу, как вокруг нелюдимо.

Мир станется, близким моим посвятятся стихи —
Достойны они, чтоб писали им без изворота.
И строчки, соскучившись, будут просты и легки,
И их появление новым окажется взлётом.

Вокруг никого, и я улицей длинной иду.
Но, что за картина моё приковала вниманье.
На центре дороги, ведь надо ж, на самом виду
Лежит – от меня в полуметре всего расстоянья,

Наверное, сорванный с дома жестокой рукой,
Потом подожженный, поскольку теперь он горящий,
Разбитый и нынче в ночи уже жалкий такой —

Почтовый, свой век отслуживший с достоинством, ящик.

Достаточно писем разбросано просто вокруг,
Известно лишь тем, кто поджёг, сколько уже сгорело,
Разорванных несколько – их вырывает из рук
Задиристый ветер, ему тоже скучно без дела.

Обрывки людских отношений и судеб чужих...
Я в праве читать их, последним я стал адресатом.
Нет, больше – надеждой последнею стал я для них —
Сначала читатель, потом непременно глашатай.

Из нескольких сложно составить обрывков письмо,
Из многих приходится выбрать... А здесь не хватает...
А кто-нибудь ждёт с нетерпением вместе с весной
Ответа и о происшедшем несчастье не знает...

* * * * *

«...Для тебя письмо это неожиданно.
Дело в чём, не можешь ты понять.
Я ж полгода думал, как ни странно,
Прежде, чем решился написать.
Неизвестность – ничего нет хуже,
Это навсегда запомнил я —
Как петлёй, и с каждым днём всё туже,
Окружала медленно меня.

Ни причины нашего раздора
Я не знал, ни способа вернуть,
Что утеряно уж очень скоро.
Надо было делать что-нибудь.
Я гадал, надолго ли продлится
Эта пытка, а потом уже,
И способна ль будет прекратиться,
Сомневаться начал я в душе.
Но одно, одно я точно знаю:
Без тебя нельзя существовать!
Да, поскольку это время жизнью
Не имею права называть.
Что б ни делал, о тебе все мысли.
Говорю, не слушаю себя...
Уголь я в определённом смысле,
Я горю огнём, любя тебя.
Написав письмо, я будто ногу
Над глубокой пропастью поднял.
Или перепрыгну, слава Богу,
Или тихо кану между скал...
Может быть, тебе не интересно,
И граничат с глупостью слова.
Так выходит, снова неизвестность —
Для меня картина не нова.
И пока не обожжён ответом,
Приговором счастья моего,

Знай, что я люблю тебя и предан,
Не зависимо ни от чего!»
(1977.)

* * * * *

...Клочками бумага разбросана по мостовой,
И я подбираю, что ветер, не тронув, жалеет.
Вот то, что не стало еще догоревшей золой,
Но имени с адресом больше уже не имеет...

* * * * *

«... Учитывая Ваши возможности,
Не только из осторожности,
Но из-за обострения бдительности
И уверенности в его сомнительности,
Человека, чьё имя выше указывал,
Как я и ранее Вам уже доказывал,
Следует, насколько это возможно,
Считать неблагонадёжным,
Не всегда должно ответствующим,
И далеко несоответствующим.
Заявляю крайне доверительно,
Что является он подозрительным.
Обязуюсь я и в дальнейшем,
Согласуясь с чутьём острейшим,
В письменном виде уведомлять,
И доказательства предоставлять.

Убедительноотреагировать прошу

И ещё напишу...»

(1984.)

* * * * *

...Они потеряли сегодня и дом, и родню,
Пропали без вести. Надежды своё доживают.
Какой-то подлец-инквизитор придал их огню.
Кто ждал их, возможно, о них никогда не узнает...

* * * * *

«Здравствуй! Прости, что молчала так долго.
Но... я должна и пишу наконец.
Нужно сказать и сказать очень много...
Хватит горящих без нұжды сердец!
Правду с начала рассказывать надо...
Я влюблена очень сильно была.
Больше двух лет – хоть словечка, хоть взгляда
Я от него понапрасну ждала...
Помнишь, я часто подолгу молчала —
Думала снова я только о нём.
Да, это так! От отчаянья стала
Видеть его я на месте твоём...
Ты уж прости, что я так откровенно.
Мне бы не надо об этом писать.
Только уж лучше всю правду, ведь верно,
Чем избегать, запираяться и лгать?

Не было счастьем свободного места.
Мир, мне и тот был часами не мил...
Ты мне помог... Ты был добрый и честный...
Только вот, зря ты меня полюбил.
Ты полюбил, ну, а я испугалась.
Всё бы тогда мне тебе рассказать!
Я же терпела, ждала и боялась,
Да и тебя заставляла я ждать.
Ты уж прости, что так долго молчала...
И... вообще, если можешь, прости.
Зла не держи, ведь мне лучше не стало.
Ты ж постарайся другую найти...»

(1978.)

* * * * *

... Что смог, подобрал я – обрывки какие-то фраз.
Ещё хорошо, если есть в них конец и начало.
Но я их не брошу, не дам им погибнуть сейчас,
Чтоб всяко послание болью своей прокричало...»

* * * * *

«Здравствуй, мой сыночек,
Николаша мой,
Ты неровность строчек
Мне прости, родной.
Руки ослабели,
Годы не вернёшь...

Что же о себе я?
Ты-то как живёшь?
Вдалеке от дома
Не скучаешь ли
По местам знакомым,
Где года прошли?
Помнишь, по соседству
С нашим домом был
Садик, где ты в детстве
Погулять любил?
Там теперь дорога,
Беспрерывно шум...
Ты прости, что много
Я тебе пишу,
Время отнимаю,
Коля, у тебя.
Ты ведь занят, знаю —
У тебя семья,
Трудности работы
На себе несёшь.
Без моей заботы
Ладно ты живёшь.
Не об этом, Коля,
Писано письмо.
Прежних вдвое доле
Думалось оно.

Я хочу, сыночек,
Вот о чём просить:
Видно мало очень
Мне осталось жить,
И письмо-то, может,
Не успеет в срок.
Ты тогда, ну что же,
Не сердись, сынок.
Если же случится
Раньше прочитать
Приезжай проститься,
Если сможешь.
Мать...»

(1977.)

* * * * *

...Я сделаю так, чтобы многие это прочли,
Узнали о чём-то, пусть даже и позже, чем надо.
В огне большинство и разорваны, и не дошли.
Не многим хотя бы огласка пусть будет наградой...

* * * * *

«...Я пишу тебе, друг,
Потому что устал,
Потому что теперь
Я не знаю, кем стал.
Слишком много ушло,

Слишком много терял,
Слишком многим
Я в жизни своей доверял.
Я тебе написал
Потому, что другим
Я уже всё сказал
Своим словом нагим.
Всё сказал, что на дне,
Что язык произнёс —
На короткой волне
Мой фрегат меня нёс.
И от кика «Земля!»
Вдруг у многих людей
Не хватило руля
Для достойных идей.
Даже то нипочём,
Что средь многих других,
С кем был близок плечом,
Кто негромок, кто тих.
Не сказали они
Мне ни слова в ответ,
И уж многие дни
Никого рядом нет.
И тебя я забыл.
И тебя я не звал.
Потому, что ты — быль,

Я тебе написал.
Тебе, право, милей
Мне в ответ не писать,
Но обиде твоей
Мало ж лет за глаза...
Ты не можешь быть скуп
На пустые слова.
Ты не жаден, не глуп,
Не указ, не молва...
Стыдно! Мы – не враги!
Но стыжусь и письма...
Друг, пойми... Помоги...
Не сойти мне с ума...»

(1981.)

* * * * *

...Ещё два листа не дотлевшие в куче золы.
Да, ночь и для них оказаться могла бы последней.
Потуги мои, по сравнению со злом, так малы...
Но бережно я собираю погрома наследие...

* * * * *

«... Я пишу, потому что слабее тебя.
Я с тобою хочу попрощаться.
Всё, что раньше тебе говорила, любя,
Зачеркнуть мне, увы, не удастся.
То, что я поняла за последние дни,

В каждом слове печаль, не гадая.
Мы с тобой были вместе... Теперь мы одни...
Ты – не знаю, как, я же – страдаю.
Я уеду, уеду отсюда совсем,
Чтоб забыть, если это возможно.
Я люблю, мне не стыдно сказать это всем!
Только счастье моё было ложно...
Мне не жаль ничего, я любила тебя.
Мне не может быть даже и грустно.
Может, был ты со мною, совсем не любя?
Может, ты мне писал всё без чувства?
Я ждала, жду и буду, наверное, ждать —
Пусть останусь наивной девчонкой.
Я не знала, что можно однажды соврать...
Снится мне по ночам смех твой звонкий.
Может быть, у тебя есть другой человек,
С кем сейчас ты, и с кем ты смеёшься?
Я хочу, чтоб одно ты запомнил навек:
Я ждала, что ко мне ты вернёшься,
Я не знала, что стану тебе не нужна,
Что когда-нибудь это случится...
Но случившемуся я поверить должна —
Будто крылья обрезали птице!
Может быть, я во всём виновата сама...
Потому что люблю и любила.
Не забудутся мне ни зима, ни весна,

Каждый день – ненавистный и милый.
Я хочу, чтобы счастлив ты был без меня!
Пусть сейчас каждый день тяжелее...
Но потом, если будет оно, то, звеня,
Пусть обоим нам души согреет...»
(1980.)

* * * * *

...Домой я вернулся и снова, и снова читал,
Подклеивал и обрезал обгоревшие письма,
Разглаживал судьбы и чьи-то несчастья латал,
И тут же фиксировал вдруг возникавшие мысли.

Мне очень хотелось хоть чем-то, хоть малость помочь,
И я специально не шел ни к друзьям, ни к любимой.
Не мог я забыть, что другой выходил в эту ночь,
И подлость свершил, потому что вокруг нелюдимо.

И я подбирал те страницы по почеркам строк,
Поэму писал безымянных, безвестных поэтов,
Чьи, в прозу одетые, жизненный смысл и итог
Сгорели огнём и развеяны были по ветру...
(1984.)

* * * * *

...Хочу присягнуть отвлеченному повествованию,
Иначе придётся сосем не писать ничего,
Ведь есть незаслуженно гибнущие писания,

Но часто написанное не достойно того.

И сложно оценивать что-то, и сложно измерить
В исписанных мелко бумагах, лежащих горой.
Ответы к вопросам, которых никто не проверит —
Где люди, там мысли, и мысли не пұсты, порой...
Собрано 5.05.84.

С ВИДУ – ТО Я НА СЦЕНЕ

Ирине Борисовой

Мне днём сновидений потоки,
А ночью не спится всё чаще,
И вновь недописаны строки,
И шепот какой-то кричащий.

И я говорю – безотчётно,
И думаю я – еле-еле,
Девятку ищу вдруг на чётной
Плющихинской субпараллели.

Мне жить надоело хорошим,
Мне быть надоело худым.
И я всё чаще непрошен,
И молнии с громом – в дым.

И день мне любой не ценен,
Пред зрительскою толпой —
С виду-то я на сцене,
Но в мыслях целуюсь с тобой.
15.02.84.

ТЕРПЕНИЕ

Напрасно мужик первобытный в кустах
Топор от досады раскусывал.
Мол, нету добычи, пещера пуста,
Хотя и капканы искусные.
Не ведал, что мамонт в пути уж его,
Не слышал глухого сопения.
А нужно-то было – всего ничего —
Терпение, только терпение.

Был юн и весьма недалёк трубадур,
Спеша, позабыв про манерности,
К своей госпоже дотанцовывать тур,..
С ключами от пояса верности.
Не ведал он, что не сносить головы.
Вернулся гонцом невезения
С дороги барон. Не хватило, увы,
Терпения, только терпения.

Старатель, промывший камней миллион
С участка забитого прадедом,
Всё проклял и, виски открывши галлон,
Прозвал свою жилу ненайденной.
Не ведал, что прадед был мудрый старик
И клад свой зарыл в упоении
Под деревом тем, у которого сник,
Кому не хватило терпения.

Впитавши всю пыль городскую собой,
Забрызганный микрорайонами,
В поту ты с работы вернулся домой —
В квартиру, тобой заселённую.
Не ведал того, что направился зря
Ты в ванную для омовения.
Горячей воды в доме нету с утра...
Терпение, друг мой терпение.

К чему это всё, непонятно пока.
Пишу, ноги свесивши с берега.
Итог подвести не мешало б слегка,
Открыть небольшую Америку.
О чём же стихи эти, спросите вы,
Мол, нету единого мнения.
Напрасно, прошу, не ломать головы.
Терпение, только терпение.

Когда послезавтра уйдёт во вчера,
Не канут впустую усилия.
Скорее всего, что наступит пора
Гармонии и изобилия.
Историки – люди с понятием, не врут,
Такое моё разумение.
Не мы, так другие, глядишь, доживут...
Терпение, нужно, терпение.
30.05.85.

ПРОНОСЯТСЯ СТОЛБЫ КИЛОМЕТРОВЫЕ

Проносятся столбы километровые
И люди на платформах городов.
В пути так неизбежны встречи новые,
Но поезд мой не всех принять готов.

Он мчится вдаль и не сбавляет скорости,
В своих вагонах многое таит,
Не ищет пассажирах некой корысти
И не на каждой станции стоит.

Проносятся столбы километровые
И каждый новый виден впереди,
Но сколько их всего там уготовано,

Узнаю только лишь в конце пути.

Состав мой удлинится со временем,
Но я его уверенно веду.
Вагоны, что мешают тяжким бременем,
Мы отцепляем прямо на ходу.

Проносятся столбы километровые,
Колокола вокзалов шлют привет,
Привычно мы в ответ гудим, здороваясь,
Прощаться ж времени всё чаще нет.

С билетом даже не у всех возможности
Уехать. Я не замедляю бег.
Не каждый вскочит на подножку поезда,
Скорее лучше спрыгнет человек.

Проносятся столбы километровые
И люди на платформах городов,
В пути так неизбежны встречи новые,
Но поезд мой не всех принять готов.

Сбавляет скорость только по желанию
И выбирает стрелочников сам,
Выводят песнь, что писана со знанием,
Надёжных пассажиров голоса.

03.09.85. г. Сочи-Москва.

ВЕРА

Не надо ходить далеко за примером.
Не надо искать, расточая мольбы.
У каждого в жизни какая-то вера
Становится Верой, уйдя из судьбы.
Да, радостей мало беспечно запомнишь,
Лишь горечь навеки на жадных губах.
В какой-то момент весь достоинства полный
Героем во времени был на бобах.

Всё верно, хоть в двадцать с немногим. Бестселлер!
Неужто, своё? А иначе же чьё?
Однажды по юности плохо расстрелян,
Потом переедешь с десятков ручьёв,
И в веру другую уже обращённый,
Не веря, но веруя зябким умом,
Теперь уже несколько раз непрощённый,
Стремишься ты к Вере в единственный дом.

Забудешь ты время, забудешь законы,
Себя и Лукавого перешалишь,
Но к Вере, с которой когда-то знаком был,
На лошади мёртвой ты вечно летишь.

Ты глаз молодых глубину не измеришь.
Где радости? Горечь одна на губах.
Но свечи поставлены вере и Вере
Героем во времени и на бобах.

Моряк, что рождён на разбойничьем судне,
И списан на сушу со временем вдруг,
Ждёт парус у моря и в праздник, и в будни,
И глушит душой завладевший испуг.
Твой путь не измерить единою мерой,
И парус, возможно, расправлен уже.
Не важно, когда и кто был твоей Верой,
Ты верил в неё и оставил в душе.
26.07.86.

СОЗВЕЗДИЕ СТРЕЛЬЦА

Только лишь при точном попадании
Звёзды зажигаются вокруг,
По стреле на каждое свидание,
На зачётный и почётный круг.
Он – кентавр, существо единое,
Этакий небесный молодец,
Половина тела лошадиная,
Вольный неподкованный стрелец.
Только лишь при точном попадании,

Будто в тире, сразу яркий свет,
К ночи и всегда к похолоданию
Вот уже, какую сотню лет.
Он скорее мчится, но не мечется,
Замыкая знаком зодиак,
Чудо с головою человеческой,
Символ авантюры и атак.
Только лишь при точном попадании
Лук его восторженно звенит,
Никогда не явится заранее,
И на страстный зов не прилетит —
Только вдруг и на одно мгновение
Дёрнется тугая тетива,
Вновь попал! И стало больше гением,
И в молитвы сложены слова.
Только лишь при точном попадании
Остаётся сам собой стрелец.
У него особое задание.
У него всегда один конец:
Гаснет, пролетев по небу зимнему,
И растратив колчана запас.
Свысока назначив щедрый минимум,
Всё же точен был с десятков раз.
Звёзды зажигаются во мгле,
Только лишь при точном попадании
Яркая ошибка мироздания —

И не под седлом и не в седле.
Не награда он и не возмездие,
Вздорный эгоист, не друг, не враг,
Меткое декабрьское созвездие,
Символ авантюры и атак.
01.09.86.

ФЛАГ ПО ВЕТРУ

Впереди нам не видно причала,
Но прибрежные птицы кружат.
Все, кто слаб, и кого укачало,
По каютам со стоном лежат.
Были слёзы, и были разлады,
Драки с другом, лобзанья с врагом.
И за всё нам под вечер наградой
Будет песня в порту дорогом.

Почему же всё так? Неужели,
Нужно множество лет потерять,
Чтоб уметь не садиться на мели
И соседу вполне доверять?
Значит, нужно гореть и стреляться,
И тонуть, и терять отчий дом,
Сотни раз и страдать и влюбляться,
Чтоб любить без оглядки потом.

Вот, под килем последние футы,
Толстой коркою соль на устах.
Корабли нас встречающей бухты
Как-то замерли с грустью в бортах.
Флаг по ветру! Спокойнее в марше!
Каждый что-нибудь в сердце зажал.
Что нас ждёт? Кто нам рад будет так же,
Как несчастен, когда провожал?

Словно тросы, и нервы тугие,
И все мышцы, как будто светло.
Нас не так уж и много такими
Возвратилось, какими ушло.
Море, море! Дурная отрада!
Что ни ночь, мне с тобой на беду!
Здравствуй, берег! Родная громада!
Не качай, как по трапу сойду.
30.07.87. г. Находка

МОРЕ ВСЕ РАНЫ ЗАЛЕЧИТ

Море все раны залечит и сгладит,
Море утопит дурные дожди,
Новые рейды и фрахты наладит,
Только уверенно морем иди.

Чистый закат, пусть он даже кровавый.
Будет гарантией ясного дня.
Ветру подставишь побитый, но правый
Борт, не желающий рыхлого дна.

Будешь молиться на каждом восходе
Даже и малой несущей волне.
Море для каждого разным выходит,
Разным по цвету и по глубине.

Радовать будет случайная встреча,
Если такая по курсу лежит.
Ждёшь ведь, пока море раны залечит,
Сгладит углы и лицо освежит.

Море простит и обнимется портом —
Море Великое жизни твоей —
Будет терпеть, пока сможешь ты штопать
Сотни пробоин своих кораблей.

Были потоки, топившие трюмы.
Валы ложились на палубы гладь...
Но только море излечит угрюмых
И сможет снова в матросы нанять.

Души, за правильность курса радея,
Преданно тел не покинут своих.
Лица с характерами затвердеют.
Ну, а сердец широта – на двоих.

В жизненной общей глубокой пучине
Тех замечают, кто даже в «дыру»
Плавает не по какой-то причине,
Но по велению и по нутру.

И потому море раны залечит,
Бухтой того приласкает, кому
Каждая с морем, пусть грустная, встреча
Будет, как ветер, нужна самому.

Он в корабле, как в своём организме,
Дырки всю ночь до рассвета латал,
Чтоб своим курсом с волною по жизни
Двигаться, твёрдо сжимая штурвал.

17.08.87. г. Сочи

БЫЛИ, БЫЛИ, БЫЛИ...

Были полёты
И были забвения,
Были работы

И озарения.

Были просчёты
И были ничтожества,
Высшего качества
Были художества.

Были копейки
И кипы бумажные,
Были скамейки —
Сухие и влажные.

Были и слёзы,
И радость объятия.
Были угрозы
И гнев моей матери.

Были советы —
Плохие, хорошие,
Лёгкое что-то,
Лежащее ношею.

Но никогда
Не старался избавиться
И не жалел —
Всё, что было, мне нравится.

24.09.87.

САМЫЕ, САМЫЕ, САМЫЕ

Самый пока разговор интересный
Не договорен ещё.
Самые милые наши беседы
Тоже пока впереди.
Самый удачливый путь, что с поправкой
На несуразный просчёт.
Самая верная цель, о которой
Часто не будешь твердить.

Самый удачливый стиль рифмованья
Не доработан слегка.
Самых опасных картины ошибок
Браво висят по стенам.
Самые сложные мысли-загадки
Сходят за шутки пока.
Самая страшная в жизни минута
Кажется праздником нам.

20.05.88.

КРИК ПТИЦЫ

Во сне как будто птица закричала,

Заманенная на глухой чердак...
...Я всем простил, и всё начну сначала,
Но не прошу себе, что надо так.
На птицу я имел большие виды
И на судьбу её мне наплевать...
...Я не прошу не наносить обиды,
А умоляю промах не давать.
Чердак на удивленье крепко заперт,
И птица очень жалобно зовёт...
...Уж лучше промокнуть пяток царапин,
Чем с лацканов отряхивать помёт.
Засовы не падут волшебю сами,
Чтобы проник я к узнице во тьму...
...Воспитывая противостоянье,
Решаю твёрдо для себя, чему.
В чердачное окно проникнуть проще,
Преодолев крутую крыши гладь...
...Давно не тот опасен, кто лишь ропщет,
Но кто, ропща, и дело может дать.
Удушливая пыльная картина,
Последний хрип позёмкою у ног...
...Не то, чтобы беспомощность противна,
Возможность одолжения не впрок.
Чердак проветрен, только непоседа
В земле, и эпитафия над ней...
...Когда подходит время для обеда,

Без ложки сложно, потрудись, имей.
Цветы полил, но в сторону глядится,
И громом нарастает тишина...
...Стремительная юность, словно птица —
Доверчива и незащищена.
Во сне ли эта птица прокричала?
Ведь наяву я ей не смог помочь!
...Когда всё начинается сначала,
Ошибки дня нельзя валить на ночь.
29.08.88.

СЛАБОСТИ

Вы скажите мне на милость,
Почему так получилось,
Что в масштабах всей страны
Мы на слабости сильны?

Наши слабости бесценны,
Но с наличием цены,
Как объекты полноценны,
Постоянно нам нужны.

Независимы, безвестны,
Хоть и явно на глазах,
Наши слабости, как песни,

Как весенняя гроза.

Вы скажите мне на милость,
Почему так получилось?
Не избавиться никак,
Каждый свой растит сорняк.

Осуждаем постоянно
И копаемся в себе,
Но бравируем упрямо,
Как кругам на воде.

Не количеством слабинок,
А диаметрами их.
И они неистребимы,
Проникают даже в стих.

Вы скажите мне на милость,
Почему так получилось —
Если слабостей вдруг нет,
Это худшая из бед?

Мы без слабостей не можем,
Знаем это и молчим,
И от них воротим рожу,
И невнятное мычим.

В час дурной, потупя взоры,
Затянувши поясок,
Сами слабостям, как воры,
Лучший отдаём кусок.

Состояньем слабины
Атлетически сильны.
Так вот всё и получилось!
Не пойму, кому на милость!
3.04.89.

ЧТО-ТО НЕ БЫЛО ДАВНО...

Что-то не было дождя давно,
И давно я не смотрел в окно.
Просто так в одно окно
Не смотрел уже давно —
Просто не было дождя давно.

Что-то не было давно весны,
Не являлись золотые сны.
Золотым сияньем сны
Не сияют без весны —
Просто не было давно весны.

Что-то не было давно стихов,
Что-то не было давно грехов.
Но стихи ведь без грехов,
Как грехи без их стихов —
Не грешится просто без стихов.

Что-то не был я давно собой.
Был такой и был сякой – любой.
Но, увы, другой любой
Не поможет быть собой.
К чёрту всё! И надо быть собой!
11.04.89.

«СПЯЩИЙ...»

По брусчатке Красной площади
Топот, ропот, шепоток —
Не будёновские лошади,
Не физкультурников поток.

Эту очередь выращивать
Семьдесят старались лет,
То народ на «принца спящего»
Глянуть хочет – есть, аль нет.

Нет бы – ветром, да на лошади,

Чтобы пена вокруг удил,
К двери поперёк всей площади,
В губы чмок и разбудил...

Нет, идут толпою ровною.
Как за праздничный заказ,
И окончить сказку добрую
Некому и в этот раз.

То ли просто глянуть ласково,
Обновив собой тропу,
Как там «рыцарю прекрасному»
Во «хрустальном», во гробу,

То ли друг за другом пристально
Проследить, чтобы... А то —
На Руси большой, неистойвой
Ух! ... А тут, чтобы никто!

Спит, его и не в земле душа,
Знатный русский богатырь —
Или просто добрый дедушка,
Или гениальный хмырь.

Топот, шепот, прохождение,
Человеческая нить...

Не предскажешь поведения,
Очень страшно разбудить.
22.06.90.

ОН ПРИХОДИЛ

Он пришёл туда с весёлой доброй песнею.
Он подумал, с песней будет интереснее.
Только люди, вот, его, увы, не поняли
И совсем другим его слова наполнили.

Он пришёл туда с душою очень чистою,
С удивительными мыслями и истиной.
Только люди чистоты той не увидели
И жестоко незаслуженно обидели.

Он пришёл туда с улыбкой и прощением,
Не желая ни разбора, ни отмщения.
Только люди почему-то вдруг озлобились
И побили так, что чудом не угробили.

Он приполз туда с вопросом умирающий,
Но добили его чуткие товарищи,
Не спросив его ни имени, ни звания,
Камнем выразив людское понимание.
3.09.90.

ВОЙНА НЕ ОКОНЧЕНА

Знакомая фраза затёрта по плитам,
Годами подкрашена, водкой облита,
И снова она произносится сыто:
«Никто не забыт, и ничто не забыто».

Она на высотах тупых обелисков,
Она в многочисленных прозах-записках,
В фигурах гранита она исполинских,
И от безымянных огней она в искрах.

Она в черепах, пролежавших в болотах,
Она в катакомбах, в ущельях и в дотах,
В polegших – безжалостно брошенных ротах,
В погибших отважно, застывших в окопах.

Утоплены в тостах и славой залиты,
Воюют герои – в земле не зарыты.
Война не окончена. Тема открыта,
И помнит любой, что ничто не забыто.
22.06.91.

БЫЛИННЫЙ КАМЕНЬ

Я от камня направо свернул, отмахнувшись от шуток.
Как тропинка утоптана, глянь, богатырь-молодец.
Головы не сносить на плечах до скончания суток.
И она не успеет заметить бесславный конец.

Я от камня налево, и глазом моргнуть не успевши,
Повернул и почувствовал тотчас, что падает конь.
Соловей ли, разбойник, болотное ль чудище, леший —
Будет другом или разведёт подо мною огонь.

Я от Камня Судьбы по прямой неизвестной дороге
Всё ж пошёл, отогнав суеверие – утренний сон.
Интуиции ноль, только ужас и ватные ноги,
И огромная жадность идти и достать горизонт.

Я у камня сижу. Не с кем слова сказать, я немею.
От всего, что возможно, далёкий и на волоске.
Ничего не пойму и ни строчки прочесть не умею,
И сколоть эти буквы никак не подняться руке.

Я на камне стою. Непривычно, обидно и плохо.
Только ветер свистит в неурочный для путников час.
Мои ноги уже неподвижны, покрыл тёплый мох их.
На плечо сел орёл и клюёт мой всевидящий глаз.

Я под камнем лежу, мысли прочь отгоняю, но тщетно.

Беспробудная жертва и путаник целей и вер.
Я так сильно прижат, не нырнуть даже в тихую Лету.
Только чьи-то всё время шаги отдают в голове.
28.07.91.

ДВЕ ЛОШАДИНЫЕ СИЛЫ

Что так внезапно и странно взбодрило,
Словно застойного снова коня?
Чувствую две лошадиные силы
В этом единственном теле меня.
Мало меня, видно, в детстве пороли.
Не перестал я вертеть головы.
Две лошадиных: одна – сила воли,
Ну а вторая – неволи, увы.

Вожжи – струна! Ничего не поделать,
Время летит от беды до беды.
Даже дорогу одну не поделают,
Так и виляют у носа зады.
Мочи уж нету! Метаться доколе?
В споре друг с другом, как дети резвы
Две лошадиных: одна – сила воли,
Ну а вторая – неволи, увы.

Как две сестры, непохожих натуры.

Быть коренному меж них не дано.
Две непокорные крепкие дуры,
В жилах – не кровь, молодое вино.
Вечно вдвоём – до экстаза, до боли.
Как ни смешно – и в труде, и в любви.
Две лошадиных: одна – сила воли,
Ну а вторая – неволи, увы.
16.08.91.

ЧИКАГО

Мои годы – шары надувные.
Колкий ветер, их гнать обожди.
А в Чикаго мосты разводные
И не редкость дневные дожди.

Местный билдинг чуть выше Смоленки,
Только мне здесь теряться нельзя.
У меня и покрепче коленки,
И совсем уж другая стезя.

Под чужою символикой пляшем.
Только в сердце и флаг мой и герб.
Не сочтите, что слог приукрашен —
Я совсем не про молот и серп.

А в Чикаго мосты разводные.
Дождь дневной остужает мне кровь.
Мои годы – шары надувные.
Колкий ветер, мы встретились вновь.
5.03.92. г. Чикаго

СТИВЕНСОН-КРУИЗ

Когда манят сокровищами страны,
Лишь этот свет далёкий видит глаз.
Команду набирают капитаны
В борделях, по тавернам торопясь.
Когда обещан куш и сжаты сроки,
Не думают о трудности в пути.
Идёт братва на всё – в гребцы и в коки,
Лишь бы успеть на палубу взойти.

В пути все заодно, цель оправдает.
Никто не замечает мелких ссор,
Испытывают жажду, голодают,
Хоть и в штанине нож, в руке топор.
Твердь незнакома. Нов изгиб причала.
Какая ты? И первым кто сойдёт?
Но вот, «земля» на вантах прозвучала,
И капитан наметил фронт работ.

Над картою склоняясь в своей каюте,
Сам капитан и боцман, и старпом —
Не ведали, что делалось на юте,
И сколько было шлюпок за бортом.
Когда большой кусок лежит в тарелке,
Приборы на руках, желудок крут,
Беседы о порядочности мелки.
Гасите свет! Они вас не поймут.

На сушу капитан сошёл последним.
Он шёл искать контакт, дарить идей.
С ним пара дураков из многолетних,
А может быть, порядочных людей.
Мессией он не стал. Там было трудно.
И клад. Как ни старался, не нашёл.
Он не был ни тупым, ни безрассудным
И при своих на палубу взошёл.

Корабль и не украли, как ни странно,
И многие вернулись из бегов.
Старпом стоял седой, а боцман пьяный.
Монах и по сейчас хвалит Богов.
Пересекли Атлантику обратно.
Я не был там, журнала не читал,
Но, что могло случиться, вероятно,
Предположил, додумал и сверстал.

Ну, капитану, видимо – судиться.
Он многим не заплатит за бега.
Кто не вернулся, станет вольной птицей.
Всегда ли это лучше? Не всегда!
Старпом взорвётся вдруг по-итальянски,
Не плавать поклянётся наперёд.
С монахом боцман, чёрный эль ирландский
Прикончив, вновь команду наберёт.
9.03.92. г. Нью-Йорк

КОРАБЛЬ СЛЕПЫХ

Плывёт вперёд по воле волн,
А может быть, назад —
Корабль слепых, а может, чёлн,
И чёрт ему не брат.
Вода давно истрачена,
И виски на столе...
И очень трудно зрячему
На этом корабле.

Проломаны отдушины,
Перегородок нет,
И свечи все потушены.
Зачем слепому свет?

И время здесь утрачено,
Вслед мыслям о земле...
И очень страшно зрячему
На этом корабле.

Безликие двуполые
Забились по углам,
И грязные, и голые,
Забыв и стыд, и срам.
И всё переиначено,
И записи в золе...
И очень больно зрячему
На этом корабле.

Был капитан ещё не стар,
А душу испустил —
Апоплексический удар
Давно его хватил.
И стая крыс не схвачена,
И трещина в руле...
И одиноко зрячему
На этом корабле.

Несутся песни за корму.
Слепым – что шторм, что мель.
Они привыкли ко всему,

Невидящие цель.
В погоне за удачею
Во мгле и на нуле...
И нету места зрячему
На этом корабле.
3.06.93. г. Вена

СЦЕНА БЕЗ ФАУСТА

Дойти до сцены Фаустом – не много.
Возможно это в Вене, господа,
Не чувствуя ни чуть стеснения слога,
Средств бедности и времени труда.
Всё так, и это будет не избито,
Не узнано, а позже не забыто.

И это будет так:
– Мне скучно без...
Банальных фраз и гениальных мыслей,
Людей пустых и приобретших вес,
Смешных гримас, восторженных и кислых,
Дурацких ситуаций и чудных,
Великолепных смелых положений,
Без этих нынче, завтра без иных,
А более – без столкновенья мнений,
Без радостей и без печалей то ж,

Без занятости, без пустой забавы.
Скучны мне равно, правда, как и ложь,
Забвенья серость, как и яркость славы...

А может быть, вот так:

– Мне скучно без...

Конкретности и полного незнания,
Открытости ненужной и завес,
Метания из жара в замерзание,
Внезапных остановок на бегу,
Покорных встреч и бурных взятий боем.
Сперва по другу, завтра по врагу
Я поскучаю. После – по обоим.
Без пёстрой толчеи мне скучный ад,
Но и без одиночества такое ж.
Надоедают тайна и парад,
За ставнями, иль как окно откроешь...

Нет, всё же лучше так:

– Мне скучно без...

Бездействия топи, важности решений,
Безумных бунтов и покойных месс,
Беспутства тьмы и ясных отношений,
Погибели и выхода во вне,
Греха обузы, святости ненужной,
Себя во всех и части всех во мне,

Без колыбели и без грязной лужи,
Без яркой непохожести минут,
Портретного невиданного сходства,
Без «нет нигде», без «всюду – там и тут»,
Без «вечно», «никогда», высот и скотства...

Единственно лишь так:

– Мне скучно без...

Азарта, бед, ненависти, восторга,
Губительности добродушных пьес,
Елея, ёрничества, жажды долга,
Без забытья, без искренней игры,
Без колкостей, любви, мучений мёда,
Вины, наветов, сплетенной муры,
Раскаяний, сатиры, тостов, моды,
Без умников, без фронды, без хулы,
Без чинопочитанья, чванства, шашней,
Щедрот и скупости, хандры, юлы,
Янтарной яви и мечтаний в ящик...

И это прозвучало, не избито,
Не узнано, не будет и забыто.
Быть Фаустом, или не быть – не много:
Желанье, Вена, Гёте, поздний час,
Отсутствие в себе стеснения слога...

Каков итог?

Всё изменить!

Сейчас!!!

30.06.93. г. Вена

ДОН ЖУАН В ШЕНБРУННЕ

На много солнц, на много лун
Легенду растянуть возможно.
В подрамник классики – Шенбрунн,
При свете факелов тревожных
Законченное полотно
Представлено согласно сану.
Явиться было суждено
Опять Живому Дон Жуану.

Звонк последний звонко дан,
Глубокий вздох, спектакль и начат.
Он – молод, в окруженье дам,
Улыбчив нагло и удачлив.
Опять свежи его слова,
Хоть где-то разойдьясь и с делом,
И не ломается канва
Пред ним, как чопорная дева.

Он – баловень, любимец масс.

Помост искусственный не шаток.
И вслед за ним с десятков нас
Пускает вскачь своих лошадок.
Тут взмахи шпаг. Там звон острот,
Не режет взгляда повторенье.
При свете праздничных костров
Легенда покоряет время.

Заказанный душевный пир
Под звуки арии родился.
Без этой встряски венский мир
Сплошным бы «Реквиемом» длился.
И светлячки тут по кустам,
И вовсе не смертельны раны,
И донныанны тут и там,
И спасу нет от донжуанов.
7.07.93. г. Вена

БЕЗМЕРНОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Отравленное наше поколение
Не знает мер в движенье по Судьбе —
Ни в отрицании, ни в поклонении,
Ни в полном равнодушии к себе.
10.07.93. г. Вена

СИЗИФ

Всё прошлое перемесив
Сегодня в дребедень,
Я понял, что катил Сизиф
К вершине каждый день.

Не горя глыбу, не утех,
Не ложь свою, не кровь,
Но самый страшный смертный грех —
Великую любовь.

С надеждой в сердце, чуть дыша,
Отвергнут был Сизиф,
Но вновь признанья «совершал»,
Свой разум не спросив.

Морали он не преступал,
В обман душой не бил —
В слезах Сизифова тропа,
Мечту он утопил.

Наказан. Камень в гору прёт
И должен водрузить,
Чтоб помнил праведный народ,
Как пред богами жить.

Ведь то и дело, он любовь
Вдруг выпустит из рук,
И у подножья камень вновь,
В начале всех потуг.

Сомненья трепет, что свеча:
«Не зря ль в правах кичусь,
Вину переложить с плеча
На высшее из чувств?»»

Ведь только камень докатив
И закрепив на пик,
Воспрянет жертвою Сизиф —
И не виновен вмиг.

Рушитель клятв, повадный зверь,
Чума его дери,
С любовью носится своей
По склону до зари.

Но не доводит до конца
Раскаянья, кретин!
Огромный камень он в сердцах
На сердце накатил.

Сперва по склону неспеша,
Потом с натугой, в крик,
Опять с надеждой, чуть дыша,
Как в близкий прошлый миг.

И вот бы миру возвестить:
«Любил! Люблю! Любить...»
Нет! Позволяет отпустить,
И – вниз, воды испить.

И нынче катит каждый день
Сизиф любовь свою.
За ним сомненья, словно тень,
Подобно воронью.

Что преступленье – только след!
След порождает новь.
Страшней – не дотащить на свет
И обмануть любовь.

12.07.93. г. Вена

УРОКИ МАСТЕРА (триптих)

ЖИВАЯ ПАРТИЯ

...И цвета желчи меланхолия,

И что-то шутится всерьёз.
Рассвет – что сумерки, не более.
Шесть дней до бала – время воз...

– Мессир, фигуры просят партии.
Доска нова и пунш горяч.
– Ты потакаешь этой братии.
Ну, да уж ладно, не мяучь.

– Ваш ход! Я подыграю черными.
Но только, чур, без волшебства!
– Давно ли вышел ты в ученые,
Что вольно путаешь цвета?

– Е2 – Е2, извольте пешечку.
Скромнее хода нет, Мессир.
– Я б верил, Бегемот, не мешкая,
Когда б она не шла в ферзи.

– О, Вы чертовски проницательны!
Эндшпиль в дебюте, что туман.
– Тут конь стоял, не знаю, кстати ли.
Пожалуй, выверни карман.

– Они же, как живые, мечутся!
Я виноват, не углядел.

– Лукавство, котик, ведь не лечится.
Живыми ж сам играть хотел.

– Слон пал! Ладьёй его мы. Вот она.
Горизонтальная борьба.

– Что ж, кроме партии в угоду нам,
У них у всех своя судьба.

– Вы снова правы. Я устал кивать.
Но пешек, пешек – словно кур!

– Не надо клетки перескакивать.
Не требуй прыти от фигур.

– Какую ж пешку в дамы вывести?
Простите, рыба не грозит?

– Ты игры путаешь порывисто.
Смешеньем правил просквозит!

– Волнуюсь, миттельшпиль, вы в выигрыше.
Они послушнее у Вас.

– Цвет, милый, сам ты выбрал, видишь ли.
Твой конь с ферзём танцует вальс.

– Атака после рокировки!
Диагональная игра!

– Полегче дёргай за верёвочки.

Ну, вот и шах, дружок, пора.

– Я против! Вы опять колдуете!

Ваш ферзь с клыками и космат!

– Вы все – коты, и в ус не дуετε,

Когда в цейтноте близок мат.

– Всё, я сдаюсь! Фигуры куплены!

Профессор, стыдно! Не прощу!

– Кон снят! Шампанское откупорим!

Я эту пешку угощу...

...На белых клетках радости дождём,

Печаль по чёрным и тоска...

– Задумались, Мессир? Мы тоста ждём.

– Ночь бала, Бегемот, близка!

ГОРИ ОНО ОГНЁМ!

В бесконечной с виду сказке

Дело близилось к развязке.

Нервничал без меры кот,

Воланд знал всё наперёд.

Переколота посуда,

И встревожены повсюду

Стаи Гелл и Маргарит.

Пусть оно огнём горит,
Это призрачное место!
Люди здесь подобны тесту —
Что за музыка в игру,
Те и лица ко двору.
Что теперь мессииру мнится?
Им везде – не заграница.
Бегемот скривил усы —
Чувства вроссыпь на весы.
Беззапорные ворота.
Омутом круговороты.
Звуки – жала! Взгляд – разряд!
Эдак – десять раз подряд.
Растасовка плоскогорья —
Не прогулки к Лукоморью.
Шахмат партия живых —
Ран не пара ножевых.
Куры – блеют, волки – лают.
Пусть она огнём пылает!
Сказка-плакса, славный спич.
Кот – не фраер, Бес – не бич.
Взгляды с птичьего полёта
Так любезны Бегемоту.
Завернув плащём коней,
Воланд правит вальс теней.
Те, кто поднят из низины —

Кто в Лауры, кто в Розины.
Кто ж не удержал крыла —
Знать, задумчива была.
Шпаги тучи прокололи.
Сто стихий играют вволю.
Молний стрелы от хвоста,
И кривой ухмыл в устах.

ПОКЕР НА ФЕРЗЯХ

Вновь занавешено окно.
Притушен свет, как солнце в тине.
И на зелёное сукно
Четыре кости в ряд скатились.

Снеся пакет валюты в банк,
Собою был доволен котик.
Сегодня он пошёл ва-банк.
«Каре» ферзей. Ферзи не против.

Изрядно опостылел «стрит»,
И дремлют шахматы на полке.
Не то, чтобы игрой горит,
Но тягу ощущает в холке.

В усы мякнув «не блефуй»,

В попытке первой размышляет.
«Каре», конечно же, не «фулл»,
Но радость тоже не большая.

Сегодня не запишешь в шанс.
Одну попытку сам себе дал.
От напряженья треск в ушах,
Как будто месяц не обедал.

Повеса вновь – не Бегемот —
Проснулся в Воюанда творенье.
«Каре» ферзей с улыбкой ждёт
Последней кости появленье.

В ней может жить ненужный туз,
Девятка заиканьем в строки.
Что ж тянет он, стряхнув картуз?
Колдует котик только «покер».

Луч осветил болота дно.
Ещё мгновенье! Бросил левой
Всё ожиданье на сукно...
Ферзи – не дамы – Королевы.

21.07.93. г. Вена

РЕКВИЕМ

Возможно, это воздух Вены
И гениальных прахов дым
Быть учит только откровенным
И бесконечно молодым.

И даже Рок, всегда звучащий
По нотам мастера-творца,
Надуманый, ненастоящий,
Но очищает нам сердца.

Нам музыка при света лаве
В груди не остужает пыл,
Кого бы «Реквием» ни славил
И «Реквиемом» бы ни бил.

Она, как дева, вопрошает,
Какой для нас ей нынче быть.
Любить без спроса разрешает
И заставляет не таить.

Терпя сеансы медитаций,
Как прежде, стыдно мне зевать.
Кулисы сдержанных оваций
Готов пристанищем назвать.

Я с позволения Моцарта
Очищен музыкой в Судьбе,
Хоть врата неземного царства
Не так я представлял себе.

Теперь всё будет по-другому!
Приснится мне в родной глуши:
Любовь, её сомнений гомон
И беспокойствие души.

Спасибо Вольфганга творенью,
Извлекшему из пустоты
Меня. Покорны заверенья,
И вечны Музыки Цветы.
22.07.93. г. Вена

ВЫХОД ШУТА

Маска к лицу приросла со слезою большою.
Горб тяжелеет, подняться в свой рост не веля.
Смейся, паяц, над своею разбитой душою.
Втаптывай глубже осколки, на раны плюя.

Этот ли выход ты ждал, долго скалясь на сцену?
Свет, антураж, полон зал, звуки тактов своих.
В тонком водящем луче, как на мушке прицела.

Этак ли выйти мечтал ты – комичен и тих?

Загнуты кверху ботинок носы неудобно.

Звон бубенцов веселящий – серпом по ушам.

В зеркале сам испугался улыбочки сдобной,

Мимо на сцену идя и неровно дыша.

В кудрях свисает парик разморённой лапшюю.

Горб одиночества тяжек, как мокрый песок.

Смейся, паяц, над своею разбитой душою,

Брошенной просто на пандус из старых досок.

Роли у всех на руках, будто карты при свете.

Взятки заказаны, козырь объявлен. Пора!

Долго в колоде лежал ты и в джокеры метил.

Только без джокеров нынче ведётся игра.

Всё невпопад – и ужимки, и смех, и акценты.

Старым шутком на балу среди множества пар.

Словно по лужам, шаги к освещённому центру,

Тенью кривою от чьих-то затейливых па.

Это ли думал ты вынести судьям сегодня?

Всё перебил откровенный софитов накал.

Ты захлебнулся в поту пережитых агоний.

Это ли ты так усердно в себе сберегал?

С маски не спрос, но она не исчезнет забыта.
Горб прирастает к спине и пугает людей.
Смейся, паяц, над душою своею разбитой,
Слёзы солёные пряча в своей бороде.
24.07.93. г. Вена

ТРИ ВЕРСИИ (*триптих*)

*«Власть на зуб перл неймёт —
умна, иль дурна...»*

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО

«Суд ежечасно собственный верша...»

– Сегодняшний, почтенная Агора,
Камней двуцветный ритуал-расклад
Нас вынудил с очередного вздора
Произвести известный всем – Сократ.
– Ну вот, теперь простой подсчёт по цвету
Решит мою, философа. Судьбу.
Обычный жребий, поиск паритета...
И никакого права на борьбу.
Им всё равно, за что. Хоть мир и тесен.
И я любого лично знаю здесь.

Лишь черно-белый выбор интересен,
И чуть – с меня свисающая спесь.
Что не содеяно и шага злого,
То доказать, как плюнуть в водоём.
За верное придуманное слово,
Летящее по ветру воробьём!
За мысли, коим мало, кто прислушен!
За неумышленно красивый слог!
За аксиомы, ищущие уши!
Весьма демократично! Смерть – итог!
Причём не стоит даже сомневаться,
Обзорно – сплошь мои ученики,
И я простор им застил. Не раздаться.
Старейший – просто слеп и без руки.
Эх, мало, кто записывал за мною.
Наговорить теперь ведь не дадут.
В дебатах изошли уже слюною,
Что для моей же пользы этот суд.
Коль смертный приговор нас подытожит,
Богам все дружно воздадут хвалу,
Что я себе же вред не приумножил
Минутой лишней рассужденья вслух.
Считают камни. Можно не трудиться —
Так явно одиноки, что белы.
Дилемма: поило принесут в темницу,
Удавят или бросят со скалы...

Я б честно, предпочёл всему цыкуну,
Смешать с вином и лучше без воды.
Но... всё! В обряд досыпали минуту
Философосживания. Лады!
– Смерть! Жребий указал... Единство – кредо!
В Почётной Чаше – яд! Богам хвала!..
...Тебе, Сократ, жена тут напоследок
Вина – я разрешил – передала.

АУДИЕНЦИЯ

«Поэт себе – суть высшая цензура...»

– Мне мой Людовик приказал явиться?
Минута велика! Я длю её.
Так часто по руке менял я лица,
Что счастлив, уложить к ногам своё!
– Мольер! Я запрещаю вам отныне...
Себя в работе вашей не жалеть.
Мне дорого не только ваше имя,
Но я хочу на вас ещё смотреть.
Смотреть и радоваться, уж позвольте.
Не смейте возражать! Я – ваш Король!
И Солнце! Диалог на этой ноте
Я дописал сегодня в вашу роль.
Вот, вы от каждого переживанья

Рождаете шедевры для ума.
Но не для времявидосозерцанья.
Мне ж зрелища важнее, чем тома.
И видятся смешнее ваши строки,
Когда б их поступь легче по судьбе.
Талантливы уж слишком и жестоки!
Убили же обойщика в себе.
Плоды ночных раздумий не для сцены.
Сплетенья неурядиц – вред жевать.
Не набивайте глубиною цену.
Я запрещаю вам переживать!
Да, Жан Батист, пора уже быть проще.
И жизнь свою в конвульсиях трясти
Нарочно перестать. Театр – не площадь!
Заказ монарший! Господи, прости!
Я признаю, что индивидуальны
Во многом. Не гримасничать прошу!
Но и талант свой подчинять Версалою —
Труд не последний. Знаю, сам пишу.
Иначе – ваши броские шедевры
Без зрительских оваций, да, Мольер,
Как в монастырь монашки-девы,
Сейчас же устремятся. Мало ль мер!
Итак, мы ничего здесь не подпишем —
Сатирик и Король, нет, крёстный – кум!
Я видеть вас хочу, но боле слышать

И не краснеть, свой напрягая ум.
– Всецело, Сир, и слепо повинуюсь,
Ослепнуть не берусь, ничтожна тварь.
Вы, право, так мудры, что я ревную.
Мой здравый смысл! Рассудок! Государь!

ДОБРЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

«Себя – азарт – ломать и нарушать»

– Простите, вызывали?
– Проходите.
Фамилия.
– Домбровский. Я хотел...
– Писатель?
– Литератор.
– Всё юлите.
Поговорим, не открывая дел?
Надеюсь, вам понятно направление,
В котором потечет наш разговор?
– Признаться...
– Очень кстати бы. Есть мнение,
Что деятельность вся до этих пор...
– Моя?
– И многих прочих, вам подобных,
Наносит, и не малый, нам ущерб.

И было бы значительно удобней
Вам некоторых не писать вещей.

– Из тех, что?..

– Да, из тех, что написали.

И вырубать не надо топором.

Отказ публичный! Глубина морали,

В сопровожденье росчерка пером.

– Непостижимо!

– Истина момента —

Вам, как историку, не объяснять —

В значительности формы документов,

На содержание коих не пенять.

– Условия, в которые...

– Условий —

Мы рождены, для творчества создать!

Заметьте, мы на слове вас не ловим.

Я – лишь уполномочен передать.

– Довольно странно всё-таки...

– Согласен,

Я тоже это странным нахожу.

Любой ваш труд без цензора безгласен.

Хотите, я за вас всё подпишу?

От вас мне нужно лишь добро, признаться.

– Но что вы называете добром?

– К словам не место-время придирайтесь!

Не хочется уж больно топором!

Согласно справим ваше возрожденье?

– Пока сюжет идёт к похоронам...

– Последнее, увы, предупрежденье,

И больше так не сиживать уж нам.

– Я бы хотел обосновать, расставить...

– Не стоит! Подпишите протокол.

– Но это же беседа?!

– Вам бы править!

Что ни пассаж – просчитанный укол!

Идите!

– Но...

– Я не стреляю в спину.

В уставе чётко: каждому – своё...

Советовал бы сжечь вам половину,

Иначе – могут уничтожить всё.

Допытываться точности и света

Нет смысла. Это – так, намёк совета.

Три версии, три внутренних беседы,

Возможно, что и одного поэта.

4.08.93. г. Вена

СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ

Спасибо, Серж! Сегодня водка в жилу,
И под икру горячие блины.
А ты ведь мне тогда не верил, Шилов,
Что ты пустая пешка для страны,
Что звонкая начинка саквояжа
Уместней здесь и только одному,
И красных стягов злые антуражи
Лишь стартом были финиша всему.
Тебя ведь чудом там не расстреляли.
И я сбежал, пока кипел базар.
И вот, теперь сидим в вечернем баре —
Экс-ротмистр и де, бывший комиссар.
И стёрты между нами все различья.
Кто свой среди чужих? И кто чужой?
У нас уже давно повадки птичьи
И лётный стаж внушительно большой.
А там – опять: и свары, и дебаты,
И что ни слово – пламенный обман.
Передрались у власти демократы,
И часа ждёт какой-нибудь тиран.
И снова не поможет заграница,
И потечёт четвёртая волна,
И новые запуганные лица
Мы встретим здесь. Судьба у нас одна!
Министры перебыются в журналистах,
Ворам банкирский навык по плечу,

Профессия ж сценичного статиста —
Не хуже гардеробщика ничуть.
На сцене – не в такси – и свет, и взоры.
И водке сотню лет не дорожать...
Серж! Посчитай, а то наш выход скоро.
Пойдём, брат Шилов, факелы держать.
10.08.93. г. Вена

КРЕЩЕНИЕ

Уехал я, но не простился —
В сонате жизни только трель.
Люблю тот город, где крестился.
Три капли – поздняя купель.
Туда я буду возвращаться
Из дальних всевозможных мест
И на коленях причащаться,
Неся в исповедальню крест.
И озарит всегда улыбка
Полёт во сне и наяву.
Пусть поздно – это не ошибка,
Но таинство. Клоню главу.
От демонизма отрекаясь,
Под петушиный крик в тщете
В несовершенном даже каюсь,
Крест обретая на щите.

23.08.93.

БАБЬЕ ЛЕТО

Завидую женщинам завистью светлой,
У них есть два лета – большое и малое;
И если устала от долгого лета,
То отдых в коротком находит усталая.

Махни ей рукою – ответит не сразу,
Попробуй догнать – бег уже замедляется.
На шее камня от порчи и сглаза,
Но юбка разрезанная развеивается.

Для бабьей декады всегда будет место,
И нынче, и дальше порою осеннею.
В душе и на сердце играет оркестр,
Омывшись дождём и суля воскресение.

Они побеждают, они выбирают,
И мы молча с этим опять соглашаемся,
И мелочно их изгоняя из рая,
Плетёмся за ними и рёбер лишаемся.

Осеннее лето и в пору «по бабам»!
Они же опять разбегаются – шустрые.

И шторма не будет, расселись по барам
Улыбки прохожих под пиво и устрицы.

Я бабам завидую завистью светлой,
У них есть два лета – своё и сюрпризное.
Кому этим летом подарят рассветы
Подруги загадочные и капризные?
14.09.93.

НАПЕРЕКОР

Опять назло бастующим шахтёрам
И узникам Матросской Тишины
Мы в образах Чайковского с напором
Превозмогаем ужасы страны.

От лёгких и крылатых выражений
К высоким па причудливой зимы.
Наперекор ветрам перерождений
Для «старых русских» снова пляшем мы.
22.04.94.

ЛЮДИ БЕГАЮТ ПО КРУГУ

Надоевшие друг другу
Люди бегают по кругу.

И страдают, и скучают,
Начинают и кончают,

Веселятся и теряют,
Забывая, повторяют,

Любят, ждут, надеясь, верят,
Терпят, лгут и лицемерят,

Поднимают и роняют,
Что-то зря соединяют,

Безнаказанно лелеют,
Непростительно жалеют,

Слепо мчатся за слезами,
Спят с открытыми глазами,

Не читают, хохоча,
Заключение врача,

Невозможное творят
И, как факелы, горят.

22.07.95

СУДЬБА

Судьба, сложившаяся из примет
И из привычек прошлых поколений,
Отнюдь не подвиг, но эксперимент,
Окрашенный изысканностью лени.

Талантом проросла в оригинал.
Судьба – не жизнь, история – часть быта.
Один отдельно взятый карнавал —
Написанный, разыгранный, забытый.
8.08.95.

АЛЕКСАНДРИЯ

Здесь и чудо, и везенье,
И осенняя весна,
Не простое воскресенье,
Но закономерность сна.

Здесь и радость, и услада,
И кипение крови —
Милый город Александра,
Покровителя любви.

Здесь и северное слово

Стал я странно понимать,
И, читая Гумилёва,
Не позволил себе спать.

И с открытыми глазами,
В откровениях тонул.
Ужас счастья познавал я,
Но не шёл потом ко дну.

А когда мне стало тесно
В этом городе у скал,
Тридцать девять лет, как песню,
Я на фото обменял.

И теперь огнём гори я —
И в ночи, и среди дня!
Здесь моя Александрия!
Здесь теперь не ждут меня!
26.09.96. г. Хельсинки

КАПЛЯ ИЗ ГРААЛЯ

Когда рука опять коснётся
Руки, и искра пробежит,
И камень, не стерпев, проснётся
В дремучей вековой глуши,

Сбегутся эльфы и наяды,
Огонь взожгут жесток и тих,
Реками слившиеся взгляды —
Да будут озером у них!

Что означают эти смуты?
Что можно не назвать игрой?
Да то, что день и год – минуты,
А час – столетие, порой.
И все близки и незнакомы,
Не разжимая вовсе рук.
Сегодня – сказочные гномы,
Но завтра – великаны вдруг.

Слова уже всё рассказали,
Границы превратили в хлам.
Осталось каплю из Грааля
На вечность выпить – сладкий грамм.
Но некий сказ сильнее желанья,
И мы не вхожи в этот сказ.
Развеялся туман у камня —
Нет эльфов, не было и нас.
27.09.96. пос. Солвалла

НИЧЕГО, КРОМЕ ПРАВДЫ

Мы слёзы льём – когда мы рады,
Не терпим – злимся на кого.
В стихах, мой друг, ни слова правды,
Но кроме правды ничего.

Темнеет в жизни и светает,
Героем был иль подлецом.
Стихи, как губка, всё впитают
И выплеснут тебе в лицо.

Куда, не знаем, деть, порою,
Себя, свой гнёт, и срам, и стыд.
Все преступленья стих укроет,
Но тем скорей всплывут на вид.

Вся жизнь полна противоречий —
И ненавидя, и любя.

Взвалив поэзию на плечи,
Наружу вывернешь себя.

1.10.96. г. Выборг

ИГРЫ С ФЕНИКСОМ

Нас двое, две души союза
На много жизней, пьес и лет:
Мой жаркий Феникс – злая муза,

И я – её дурной поэт.

Она горит в костре сомнений,
Сгорает, лик меняет свой,
И чудным изо всех явлений
Опять знакомится со мной.

Я ж – стихотворец многоликий,
Поэтизированный шут,
Всегда на острие, на стыке,
Под тяжестью таланта пут.

Все игры наши и забавы
Любовной страстию легки
И сумасбродны и лукавы,
С участием сердца и руки.

Мы ежечасно верно гибнем
И воскрешаемся тотчас.
Сонеты громки, тихи гимны.
Смерть омолаживает нас.

Не помня, якобы, о прошлом,
Я всякий раз для них иной.
Они же, чередуясь пошло,
Всегда сливаются в одной.

В одной – в любимой и желанной,
И ненавистной, как ярмо,
И обаятельной, и странной,
Как состоянье сна само.

Боюсь её и не пускаю
Меня покинуть в сонме искр,
И тут же сам в огонь толкаю,
И предъявляю строгий иск.

Сам по земле при том катаюсь,
Пишу трагедию, скорблю,
В слезах от горя свечкой таю,
И весь этот процесс люблю.

Мой милый Феникс, в новой жизни
Явись невиданной досель!
И по предтече мы на тризне
Забросим танец на постель.

Не узнавая окруженье,
Судьбу, как роли, наизусть
Проговорим, и на сожженье!
И радостно воскликнем: «ПУСТЬ!»

Пусть эта жизнь – не подвиг ратный!
Пусть Я – позёр, а Муза – Рок!
Но каждый действующий – главный!
Мы – неразгаданный урок!
30.12.96.

КОГДА ПОД НОГАМИ РАСТЁТ АДОНИС

Когда ты спускаешься с горных вершин,
Ты знаешь наверно, что ищешь внизу.
И правит тобой состоянье души,
Когда ты спускаешься с горных вершин.
Когда зачерпнешь средиземной воды,
Не ждёшь и не веришь в беду и в грозу.
За что же ещё: за глаза? за труды?
Когда зачерпнёшь средиземной воды.

Когда ты под сводами тех крепостей,
Поправших Ливана живую лазурь,
Не меч, но лишь крест за душою гостей,
Когда ты под сводами тех крепостей.
Когда под ногами растёт адонис,
Он дарит минутную миру красу.
Пускай завладеет им юная мисс,
Когда под ногами растёт адонис.

Когда ты молчишь возле древних гробниц,
При этом, ничуть не теряя слезу,
Не видишь причин и не падаешь ниц,
Когда ты молчишь возле древних гробниц.
Когда под ногами растёт адонис,
От полного штиля флаг тряпкой повис
Сто капель араки подарит анис,
И джином в тебе оживает Улисс.

И вновь восхожденья тебе предстоят,
И я за тобою по склону ползу,
И в зеркале вижу. Что ты – это я.
И вновь восхожденья тебе предстоят.

15.03.97. г. Бельбек

Я СНОВА НА ТЕАТРЕ

Когда прошёл врата, благоговая,
Я понял, что остаться здесь хочу.
Библоса ветер голоса навеял
Мне тех, кто внёс сюда по кирпичу.

Фундаменты Святого Александра,
Цепь башен римских, тюркский бастион,
Гробницы египтян, рвы Антипатра,
И мечей крестоносцев всюду звон.

Я снова на театре, и громада
Манит увидеть сцену с высоты,
Вонзиться в многовековую правду,
Что выпускала кровь из красоты.

Не вижу упреждающей причины
Не подставлять безветрию лица —
В простом костюме полу-сарацина,
С душой открытой полу-мертвеца.

Пройдя по Аду, нынче близок Раю,
Заглядываю через облака.
Я снова на театре умираю —
Смерть длительностью жизни велика.

Фундаменту Святого Александра
Я подарил своих следов песок.
Восток – лишь четверть главного театра,
Пусть мы у врат, врата ж у наших ног!
20.03.97. Библос

ЛУНА ВОШЛА СЕГОДНЯ В ЗНАК СТРЕЛЬЦА

Во тьме светилась тропка к водопою
И в небе золотые три кольца.

Я нахожусь в гармонии с собою —
ЛУНА вошла сегодня в знак Стрельца.

Наброски строк в логические мысли
Сложились обрамлением венца.
Столб энергетики стремился в выси —
Луна ВОШЛА сегодня в знак Стрельца.

На деревьях из Стрешневского парка
Развешаны пробитые сердца.
Давно я ждал астрального подарка —
Луна вошла СЕГОДНЯ в знак Стрельца.

Сегодня и приятно и достойно
Во смыслах всех не потерять лица.
Пегаса я выгуливал из стойла —
Луна вошла сегодня В ЗНАК СТРЕЛЬЦА.

Вошла под стрелы, серебром сияя,
Богиня, ледяная мать волков.
Приливы корабли с цепей снимают,
От якорных освободив оков.

По лунному пути желаю деться
И сутки принцем сказочным прожить!
Звезде планета руку вместе с сердцем

Готова этой ночью предложить.

13.08.97.

НАША МОСКВА

Города зарубежные,

Города нас манящие,

Вы романтики полны, строптивы, кичливы.

А Москва наша – нежная,

А Москва – настоящая,

Ты бесспорна для нас и противоречива.

Ты – красавица русская,

Ты – бессмертная женщина,

Ты – всегда молодая, любимая нами.

Часто в полдень ты грустная,

Вечерами ты грешная.

Мы, тебе присягнув, удивляемся сами.

Сарафан белокаменный

Ты сегодня примерила.

Ты опять на века – та же, но и другая.

Мы – чудные и странные —

Те, в кого ты поверила.

Мы семья твоя – шумная, но дорогая.

Фейерверки цветастые
Освещают день сказочный.
Сотен улиц узоры широки и узки.
Пусть Москва наша здравствует
И легко, и загадочно —
Третьим Римом, но главной Столицею Русской!
22.08.97.

МОЛЧАЛИВЫЙ ДРУГ

Я не расширил и не сузил круг.
Статистов сотни через жизнь протопали.
Мой самый верный молчаливый друг
Всегда со мной. О нём и строки тёплые.
К нему я каждым утром устремлён.
Мы так между собой давно устроили.
Ни дня вниманьем он не обделён.
Не лягу спать, не вывернув нутро ему.

Доверю слепо я любой секрет.
Порой, стыжусь сказать, ему ж, как исповедь,
Дарю и мудрость, и сомнения, и бред.
А сколько мы прочли вдвоём неистово!
Он возразить ни разу мне не смел,
И не страдал мораль читать искусствами.
Буквально всё он знает: что я ел,

И сколько выпил, и всегда ль закусывал.

Мечтать с ним можно страстно, горячо.

Источник чистоты! Душа, не века ли?

Всегда подставит вовремя плечо.

Быть может и товарищем, и лекарем.

Поднимет настроенье, снимет сглаз,

Постигнет и запор, и импотенцию —

Цветной, удобный, верный... унитаз —

Пристанище глухой интеллигенции.

29.08.97.

ЛЖЕЦ

Скажи мне, кто ты есть, откуда родом,
И коим левым боком ты барон,
Не евши вишен, не искавши броду
В болотах вскачь? А может, ты Нерон?
Посредственность, аристократик ложный,
За тогой поимевший, кроме лат
От покушений и похмельной дрожи,
Лишь лавр один. А может, ты Сократ?
Беседуешь, как наркоман словесный,
Не вдумываясь, что кому сказал,
И что Богам становится известно,
Что помнит кто. А может, ты Дедал?
Взлетающий на плавающих крыльях,
Сам спасшийся, но сына с высоты
Паденье зревший, как певец бессилья
Циничный. А Игнасий ли не ты?
Для этого приемлемы все средства
По претворению идеи в мир.
И нет души, а может быть и сердца.
И прав всегда! А может, ты Шекспир?
Там ум двоих и рок, и страсть – в едином.
На тайну не наложено плиты,
Портреты разны, далека истина —

Свет гения. А Дмитрий ли не ты?
Не дважды и не трижды убиенный,
Огонь надежды, пьяная зима,
Позор-фурор, по ветру пеплом тленный,
Двуверный пан. А может, ты Козьма?
Восторженная шутка, миф культуры,
Король шутов, посаженный на трон,
Финт многовековой литературы.
А может, ты действительно «барон»:
Способный выиграть войну без войска,
В чужую на ядре махнуть страну,
От спички растопить свинец до воска,
По лестнице взобраться на Луну?
Нет, ты – Никто, но все они, ты – нечто.
Ты – просто лжец, но ты – не человек.
Ты – просто Ложь, а Ложь нам светит вечно
В пути людском, в любой на пробу век.
Ложь – ВСЁ – политика и вера даже,
Искусство и традиции, и гнёт.
И чем она искуснее и краше,
Чем дальше человечество шагнёт.
Великий Милый Лжец, не трусь, веди нас,
И в каждого вселись, любой открыт
Для лжи, как для питания скотина.
Но ложь святая, всё же – дефицит.

9.08.98. г. Золотые Пески

МОНБЛАН

Никогда не запирайте своё сердце,
Не лишайте его сладкого брожения.
От болезни покорения не деться,
Потому, что это – жизнь, это – движенье.
Альпинизмом меня осень закружила.
И я начал жить мечтою и без плана.
Всё само собой от Господа сложилось
В чудный вечер покорения Монблана.

Задыхаясь от избытка кислорода,
Окуная свои руки в скользкий ветер,
Я почувствовал в себе твою природу,
Самый утончённый пик на белом свете.
И не жалко, и не стыдно, и не страшно,
И привычно сразу даже, и не странно,
Что буквально всё до малости так важно
В чудный вечер покорения Монблана.

Солнцем залиты изысканные склоны,
По ущельям мысли эхо вслух разносит,
Облака и птицы шлют свои поклоны,
О посадке с деликатностью не просят.
Не забудется ни венская прохлада,

Ни закат Хоккайдо, ни заря Омана,
Но ни с чем сравнить не смею, и не надо
Чудный вечер покорения Монблана.
24.10.98.

– ТРЕТИЙ ПАМЯТНЫЙ ПЕРИОД «От сотрясения до осознания – 1998—2017»

ДУШИ ЗЫБКИХ ПЕСКОВ

«Только змеи сбрасывают кожи...»

(Н. Гумилёв)

День прошёл и сброшены костюмы,
И душа стареет и растёт.
Мы – навеянные ветром дюны,
Зыбкие пески на тонкий лёд.
Изуродованной лапой память
Превратила бытие в узду.
Кто в нас, скачущих навстречу лбами,
Прежде жил в неслыханном году?

Может быть, зависимые тени,
В обществе искавшие угла,
Скромные в молчанье не от лени,
У кого дорога не легла.
Втопанный в тропу ногой цветочек —
Самый больно ценный талисман.

Многоточье. В прошлом нету точек.
Не узнать себя – разлить обман.

Может, лиры недр голубоглазых,
У кого в ветрах подруга-жизнь,
Мир – ковром царям с богами сразу,
Коль поделят рифмы без межи.
Может быть, других, узнав, любим,
Снайперов и капитанов шхун.
Облака от зависти, как люди,
Слёзы растеряют наверху.

Выпивали капитаны жизни
Прочих континентов, как вино.
После, справив по свободе тризну,
Свято ждали боя, лишь одно.
Муки голода и сон тревожный,
Путь без света, жажда не воды,
И на сердце шрамы видеть можно,
Как медали, ордена, кресты.

Мы же – скоморохи белой грусти,
Злые, бесконтрольные шуты —
Всё ревнуем бесталанных пусто
За залапанность своей мечты.
Ежедневны, как учёны мужи,

На костре до тех далёких дней,
Храм когда, которому мы служим,
Станет нерушимым для людей.

На парад построятся планеты,
Лунных яблок грежу урожай,
Чем страшнее будет прорва света,
Тем о нас и память хороша.
Следующий просит: кто мы были?
Выдумает, не читая нас.
Лица скрыты – путники из были —
Львы, орлы и волки лучших рас.

Мы бы закричали... В небе голом
Пара точек. Некому помочь.
Сброшены костюмы. Вечер долог.
Ветер души сдул, как дюны в ночь.
5.12.98.

НАРЦИСС

Начало ль верх? Конец ли точно низ?
Тот прав ли, жизни ради кто остался?
Стоящий нервно над водой Нарцисс,
Собой в зеркальной глади любовался.

Он изощрял круженье головы
И аромат струил – манящ и тонок.
И поощрял его всегда, увы,
Ветр, явно полный сил, без бурь и стонов.

Он протянул бы руки до воды,
Сей жадный цвет, зовущийся Нарциссом,
И вострепел плакучие ряды
К забвенью лет ив, да и кипарисов.

Он не предвидел окончания сна,
Большой любви к себе с концом цветенья,
Ведь жизнь – это не вечная весна.
Опавший берег – прихоть Провиденья.
28.02.99.

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Как поворот планеты точен —
Не прихоть, не добро, не зло.
Господство вновь полярной ночи
На нас величьем снизошло.

О, долгий яркий день, он прожит,
Он в памяти на целый год.
Ночь опыт жизни приумножит,

А после – всё наоборот.

По льду теперь когтями долго
Скрести, чтоб мха клочок найти.
Но ночь полярная для волка —
Зима всего лишь, стужь в пути.

Не первый раз блещут сполохи,
Сдвигая слабаков умы.
Но и предчувствия неплохи,
Сиянье ждёт в конце зимы.

В тот день, когда олени ягель
Под соль с камней начнут сжирать,
Мы шерсть свою в снегу, как флаги
На солнце сможем отстирать.

Она с отливом заискрится.
На лапах раны зарастут.
И стая клином, словно птицы,
Вонзится в мир, не чуя кнут.

Верны планеты повороты,
Всегда полярны ночь и день.
Когда по льду – не ищем брода,
И в день предпочитаем тень.

Звезда полярная в зените!
Есть общий интерес и свой.
Ночь не страшна голодной свите,
Об этом торжествует вой.
18.03.99.

ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ

С потускневшей и пегой земли воды ливней несвежих,
Не стесняясь, убрали тропинки прошедшей зимы.
Не хрустят уж теперь при ходьбе полы белой одежды,
И одежду сменили и что под одеждою мы.

Если в книгах искать, это старый и верный обычай
Из язычества родом. Но что не оттуда, скажи?
Как приходит весна, обходиться без жертв неприлично.
Ну, а после и идолов следом в костёр уложи.

Нестареющий праздник ушедших и снега, и чуда —
Вереницы костров и шаманские «па-де-труа».
В этот миг может рак отступить и не тронет простуда —
Неприятная, но столь привычная людям пора.

Место встречи меняют и полностью переезжают,
В чашу носят дары и венки заплетают лозе.

Кто умеет – рожают, кто нет – лишь других обижают,
И стараются выкупать милого в первой грозе.

Все, что вспомнил сегодня, исконное, не наносное,
Не придумано позже и сложено в строгий канон —
И зовётся веками старейшим Священной Весною,
И уж точно, что не подлежит обсуждению в ООН.

Вновь голодные птицы и пепел костров ритуальный
Расписали собой небо мая и души людей.
Смена быстрая идолов для христиан – аморальна,
Только и аморально вдвойне их на вечных радеть.

Не догнавший любовь вслед швыряет ей острые камни,
А она так шустра у костра, не теряя надежд.
И как будто я там уже был не однажды и каюсь
На языческом форуме памяти белых одежд.

Я сегодня проснулся в том времени диком и странном,
Но не взял ничего, кроме ужаса яви из сна.
И пускай мне докажут теперь же старейший с шаманом
Правоту дежавю и насколько священна весна.
25.05.99.

БУЛЬВАРНЫЕ ТРОПКИ

Бульвар – есть настроение осеннее.
Нарушишь – не к добру, как погляжу.
Давно не сиживал я у Есенина,
К Высоцкому совсем не захожу.

Когда листву пронзают стрелы острые
И жгут, и изменяют мысли ход,
Под всяку влагу проповеди постные
Не достигают глубины щедрот.

На всё готов, но ничего не сбудется.
Разогнан воздух, но собрался вновь.
Кто переест, кто от жары простудится...
А может, просто вермут хлынул в кровь.

Разрывы пробок, как Полтавы пушки нам!
Всех чистим, о спасенье не скорбя.
И не мертвит тень памятника Пушкина,
Лояльного к бесстыжим голубям.

Любим ли ты, или тебя уж бросили,
Бульвары летом огибаем мы —
Ребёнком будешь радоваться осени,
Но целым не дотянешь до зимы.

Но если по листве, пожаром крашенной,

Ты проведёшь своей баллады нить,
То можешь ни о чём её не спрашивать,
И не стесняйся всякую любить.

Тебе не будет страшно ни веселие,
Ни жизни скотской мята – тяжкий труд,
Веселие – налево, у Есенина.
Правей – Высоцкий, там вас тоже ждут.

Любая на бульваре тропка – дедова,
Сегодня в память забредёт сама.
Но не ходите дальше Грибоедова —
Любовь бывает горем от ума.
14.06.99.

Я СЛЫШУ ЭТОТ ЗУД

Я просыпался в колыбели мглы,
Когда они Урал переходили,
Оставив за спиной родни могилы,
И Верхние и Нижние Тагилы,
И Нижние и Верхние Котлы.

И тяжек, как свинец, один вопрос:
Откуда эти люди в нашей жизни?
Задав его, купайся в пессимизме.

Всё исторически вместилося в клизме,
Которую нам Ленин преподнёс.

Нас разозли, не отдали б Москвы.
Двуглавое ведь было поколение.
Но почитанье благородной лени,
Седьмой воды да на восьмом колене,
Плюс превосходство каждой головы.

Посторонись, историк, водолей!
Бумажный рубль построчно не измеряя,
В писательский союз не зная двери,
Князья взялись за точенные перья,
Держать ответ пред Родиной своей.

Не важно – в этом годе, иль давно,
Когда не пёрла карта при Цусиме,
Мы ни минуты не считались с ними,
Псарями ль, денщиками ли своими.
Они же уже бегали в кино.

Уже тогда, как нынче, так и впредь,
Они в столицу стаптывали лапти,
Сперва нуждаясь хоть в навозном старте,
Потом места цепляя в аппарате,
А после: «Кто не с нами, тому смерть!»

А мы экзотику по кабакам
Для радостных сюжетов собирали,
Потом за них под пули попадали,
Коль промахнутся, в стол надолго клали,
Уверовав, что дарим их векам.

Разбрасывали земли за дуэль,
Набрав каре, не дорожили жизнью,
Считая чести песнь особой тризной,
А чувство сохраненья атавизмом,
За остров счастья принимая мель.

Они в этот момент прошли форпост —
Хребет уральский долами, как мыши,
Перетекли дыханья ветра тише.
Мы ж думали, что не бывает выше.
Китайская стена – плетенчик прост.

Где рыцари? Где кавалеров сонм?
И Александр Василич рвал к востоку.
А остальные не искали толку
В сопротивленьи местному потоку.
Ах, да падёт скорей тяжёлый сон.

Но быдло захватило «статус-кво»,

И продолжало это регулярно,
И одиночно, и потом попарно.
Кровь голубая высохла бездарно,
Беспечно вони отворив окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.